

Научная статья

УДК 82-65

DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-112-140

**«Помогите мне в моем великом горе».
О хлопотах Ахматовой по освобождению сына (новые детали)
Статья вторая**

Ольга Ефимовна Рубинчик

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
Санкт-Петербург, Россия
rubinchik_olga@mail.ru

Аннотация

Работа состоит из двух частей (статей) и посвящена попыткам Анны Ахматовой освободить сына после ареста в 1949 г. Обнаружится ряд не публиковавшихся материалов 1954–1956 гг. из архива Герштейн в Российской государственной библиотеке (фонд 641). Эмма Герштейн – литературовед, многолетняя подруга Ахматовой – принимала в ахматовских хлопотах о сыне самоотверженное участие.

В первую статью, вышедшую в предыдущем номере журнала, включены два письма Ахматовой писателю, влиятельному литературному и партийному функционеру Михаилу Шолохову, а также ходатайства крупных ученых о Льве Гумилеве с просьбой в ускоренном порядке пересмотреть дело выдающегося историка.

Во вторую статью включено ахматовское письмо поэту и «советскому вельможе» Алексею Суркову – не из архива Герштейн, но тематически связанное со всем остальным. Машинописная копия этого письма хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в архиве Ахматовой (фонд 1073). Сурков на протяжении десятилетий старался, когда это было возможно, помогать Ахматовой, способствовал выходу ее книг. Будучи первым секретарем Союза писателей, он активно участвовал в хлопотах по освобождению Льва Гумилева.

Также в статье публикуется неизвестное письмо Ахматовой писателю, партийному деятелю и крупнейшему литературному чиновнику сталинской эпохи Александру Фадееву. В связи с постановлением 1946 г. он по долгу службы принимал участие в травле Ахматовой, при этом неофициально старался ей помочь и впоследствии немало сделал для возвращения ее в советскую литературу. Фадеев также прилагал усилия, чтобы помочь Ахматовой освободить сына. Письмо Фадееву приводится по машинописному черновику с поправками рукой Герштейн.

Публикация документов сопровождается хранящимися в фонде 641 вместе с ахматовскими письмами «Объяснениями» Герштейн и обширным комментарием, включающим в себя рассказ о взаимоотношениях Ахматовой с Сурковым и Фадеевым и о ее положении в период «хрущевской оттепели».

© Рубинчик О. Е., 2023

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетология. 2023. № 4. С. 112–140

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 4, pp. 112–140

Рубинчик О. Е. О хлопотах Ахматовой по освобождению сына (новые детали)

Ключевые слова

А. Ахматова, Э. Герштейн, Л. Гумилев, А. Фадеев, А. Сурков, письма, сталинские репрессии

Благодарности

Благодарю Р. Д. Тименчика и О. А. Щеглову за консультации по ходу работы

Для цитирования

Рубинчик О. Е. «Помогите мне в моем великом горе». О хлопотах Ахматовой по освобождению сына (новые детали). Статья вторая // Сюжетология и сюжетография. 2023. № 4. С. 112–140. DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-112-140

**“Please, Help Me in My Great Sorrow”.
Concerning Akhmatova’s Efforts to Free Her Son (New Details)
Article two**

Olga E. Rubinchik

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
rubinchik_olga@mail.ru

Abstract

This paper consists of two parts (articles) and focuses on Anna Akhmatova’s efforts to free her son after his arrest in 1949. A series of unpublished material from 1954–1956 from Gershtein’s archive at the Russian State Library (fond 641) is published. Emma Gerstein, a literary scholar and long-time friend of Akhmatova, was selflessly involved in Akhmatova’s concern for her son.

The first article in the previous issue included two letters from Akhmatova to the writer and influential literary and party functionary Mikhail Sholokhov, as well as petitions from major scholars about Lev Gumilev asking for an expedited review of the prominent historian.

The second article includes a letter from Akhmatova to the poet and “Soviet grandee” Aleksei Surkov – not from the Gerstein archive, but thematically related to the rest of them. A typewritten copy of this letter is held in the Manuscripts Department of the Russian National Library at the Akhmatova Archive (fond 1073). Over the decades Surkov tried, wherever possible, to help Akhmatova and contributed to the publication of her books. As the first secretary of the Union of Writers, he was actively involved in the efforts to free Lev Gumilev.

The article also publishes an unknown letter from Akhmatova to Aleksandr Fadeev, a writer, party official and major literary official of the Stalinist era. In connection with the 1946 decree, he was involved ex officio in harassing Akhmatova, while unofficially trying to help her, and subsequently did much to bring her back into Soviet literature. Fadeev also made efforts to help Akhmatova free her son. The letter to Fadeev is reproduced from a typewritten draft with corrections in Gerstein’s hand.

The publication of the documents is accompanied by Gerstein’s “Explanations” in the fond 641, together with Akhmatova’s letters, and an extensive commentary, which includes an account of Akhmatova’s relationship to Surkov and Fadeev and her situation during the Khrushchev Thaw.

Keywords

A. Akhmatova, E. Gerstein, L. Gumilev, A. Fadeev, A. Surkov, letters, Stalinist repression

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2023. № 4
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 4

Acknowledgments

I am grateful to R. D. Timenchik and O. A. Sheglova for their advice in the course of the work

For citation

Rubinchik O. E. "Please, Help Me in My Great Sorrow". Concerning Akhmatova's Efforts to Free Her Son (New Details). Article two. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2023, no. 4, pp. 112–140. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2023-4-112-140

«Объяснения» Герштейн, часть 3:

В то же время в хлопотах по ускорению пересмотра дела Л. Н. Гумилева принимал энергичное участие А. А. Сурков, который был тогда первым секретарем Союза писателей¹. Так как я ходила в Военную прокуратуру по этому делу, то

¹ Сурков Алексей Александрович (1899–1983) – поэт, журналист; участник Гражданской войны и Польского похода, во время Финской кампании и Великой Отечественной войны – военный корреспондент. Автор всенародно любимой песни «В землянке» («Бьется в тесной печурке огонь...», музыка К. Я. Листова, 1941). Л. А. Аннинский о Суркове: «Как патроны, слова входят в строки:

На эпоху нам пенять негоже –
С отрочества жили на юру,
Гладили винтовочное ложе,
Жгли в окопах крепкую махру.

Выстрела еще нет, но казенная часть полна...

Привыкали к резким граням стали,
Смерть носили в нарезном стволе,
Босые, голодные, мечтали
О всеобщем счастье на земле.

Обойма почетных званий и официальных должностей – счастье? Депутат трех Верховных Советов, дважды лауреат, член Всемирного Совета Мира, руководитель Союза писателей, член Центрального Комитета партии, Герой Социалистического Труда, орденосец <...> / 22 июня 1941 года! / В тот же день написано: «Наше сердце – каменная сталь штыка». <...> / Западный фронт. Газета, срочные задания, очерки о бойцах, фельетоны о врагах, летучие выпуски, тоненькие брошюрки, сходу идущие в войска. / И стихи – каждый день, во «фронтовую тетрадь», в летопись войны. <...> / Из всех поэтов войны – только у Суркова такая жаркая, чистая, прямая жажда расплаты. «Пуля за пулю. Снаряд за снаряд». <...> Ненависть запредельна. Проклятья – не только оккупантам, которых надо рвать зубами, проклятья – невестам, женам, матерям: горе вам, не дождетесь своих, не увидите живыми! <...> / Как надо было скрутить душу для такого бешенства? Куда схоронить жалость, нежность, любовь? Или их уже не было? / Были. Спрятанные в письме к жене, шестнадцать «домашних» строк, которые запросто и сгинуть могли вместе с письмом тогда же, осенью 1941-го, когда Сурков прорывался из окружения под Истрой со штабом одного из полков. / Вышел к своим, вынес написанное ночью, в окружении, упрятанное от ненависти:

Бьется в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза,
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

<...> Апофеоз любви посреди ненависти – этим шедевром и суждено было Суркову войти в вечный синодик русской лирики. <...> / В конце 50-х годов <...> мне довелось наблюдать Алексея Александровича в роли официального гостя как на трибуне, так и в кулуарах. Веселый, крепкий, находчивый, он был в центре подчеркнутых симпатий и скрытых антипатий. Злые языки шептали: “гиена в сиропе” (чуяли за широкой улыбкой хватку железного бойца), добрые просители уповали: помогите издать Ахматову (и помог, и “пробил” <...> – а когда-то за одно слово “сероглазый” в стихах Суркова зоилы 30-х годов припирали к стенке, уличая в запретных чувствах)» [Аннинский, 2009, с. 363, 371–376].

«После приличествующей ему легкой брани по адресу Ахматовой, согласно центральных указаний 1940 года, он был один из герольдов “военного” возвращения Ахматовой в советскую поэзию <...> и взялся в 1946 году печатать книжечку ее стихов в библиотеке подведомственного ему журнала “Огонек”, за что и должен был в грозном августе каяться» [Тименчик, 2015, т. 1, с. 50–51] (см. о Суркове также мн. др. страницы двухтомника). Готовый тираж сборника 1946 г. пошел под нож. Н. А. Ольшевская о времени сразу после ждановского постановления: «...привезла ее к нам в Москву. <...> / Сурков мне говорил: “Как я вам благодарен, что вы ее привезли к себе”» (Герштейн Э. Г. Беседы с Н. А. Ольшевской-Ардовой // [Воспоминания..., 1991, с. 270]). Сурков был одной из основных фигур в деле восстановления Ахматовой в Союзе писателей в 1951 г. [Огрызко, 2015, с. 3]. «С Ахматовой его связывали долгие и не схематичные: начальник – подчиненная – отношения. Он напечатал цикл ее верноподданнических стихов после Постановления и второго ареста сына – и он же искал ее одобрения своим стихам, говоря о себе: “Я – последний акмеист”. Он издал после многолетнего перерыва первый со времени Постановления сборник ее стихотворений, прозванный по причине темно-красного переплета и “официального” шрифта “Манифестом коммунистической партии”, – жутковатую книжку, со стихами о мире (которые она, даря экземпляр, заклеивала автографами других своих стихотворений), с многочисленными безликими ее переводами, – но издал» [Найман, 1989, с. 183–184]. О тех же событиях, но с позиции Суркова – в передаче другого литературного функционера: «Алексей Сурков, редактировавший журнал “Огонек”, рассказывал мне, как ему в 1950 году, впервые после долгого перерыва, удалось напечатать подборку стихотворений Ахматовой. Он написал Сталину, что мы не по-хозяйски относимся к крупным явлениям поэзии, в частности к Ахматовой. На другой же день в кабинете Суркова раздался телефонный звонок:

- Писали Иосифу Виссарионовичу?
- Писал.
- Почему решили печатать?
- Нужно вернуть в строй большого поэта.
- Валийте.

<...> / Затем тот же Сурков взялся за выпуск в издательстве “Художественная литература” книги Анны Андреевны, которая вышла в 1958 году. Ахматова была не очень довольна составом сборника. “Друзья” натравливали ее на Суркова. Но сама Ахматова в душе понимала, как трудно было Алексею Александровичу буквально пробивать книгу через многочисленные преграды» [Хренков, 1989, с. 201]. «Моя красненькая книжка обязана своим существованием Суркову. Он сам приезжал ко мне в Ленинград. И, знаете, меня поразило, что он знает почти все мои стихи наизусть. Мы отбирали стихи, а он читал, читал...» [Глэкин, 2015, с. 51]. Следующий сборник (Ахматова А. А. Стихотворения. М.: Гослитиздат, 1961. Сер. «Б-ка советской поэзии») вышел также при содействии Суркова: для «проходимости» книги он написал к ней послесловие, которое Ахматова назвала «повторением постановления <...> только без ждановских непечатных слов»; «Пусть моя книга – смрадная моя книга – идет в мир с бубновым тузом на спине» [Глэкин, 2015, с. 153]. В 1956 г., о котором идет речь в «Объяснениях» Герштейн, эти сборники еще не вышли, но попытки издать первый из них шли с 1951 г.; веи прохождения книги см. в изд.: [Черных, 2016, с. 534–635]. История мытарств сборника 1961 г. подробно освещена в изд.: [Чуковская,

я поддерживала связь и с Сурковым. В частности, я показывала ему копии характеристик (Окладникова, Струве и Артамонова), подлинники которых отнесла в Прокуратуру. Сурков при мне позвонил зам. Воен. прокурора Терехову и еще раз горячо просил ускорить дело и дал положительную характеристику сыну Ахматовой, а также с большой похвалой отзывался о гражданском поведении ее самой².

1997, т. 2, с. 367, 372 и мн. др., по с. 465; Черных, 2016, с. 652, 654, 656 и далее, по с. 676; Тименчик, 2015, т. 1, с. 209–213, 233–235, т. 2, с. 307–311] и др. Участвовал Сурков и в пробивании в печать последнего прижизненного сборника Ахматовой «Бег времени» (М.; Л.: Сов. писатель, 1965) (см., например, [Черных, 2016, с. 814, 821; Чуковская, 1997, т. 3, с. 63, 109] и др.). 22 июня 1959 г. Сурков обратился с письмом к Хрущеву, где подробно описал политическое и литературное лицо Ахматовой, исправившейся после «критики» 1946 г. («Критика эта, предельно резкая по тону, по существу была правильна...»). В письме Сурков предлагал отметить скорое 70-летие поэтессы: «Какая-то форма государственного признания полустолетия творческого труда А. А. Ахматовой, до сих пор находящейся в строю активно действующих поэтов, была бы сильным ударом по тем реакционерам и колеблющимся интеллигентам, которые еще до сих пор не расстаются с пресловутым “делом Пастернака”» [Далош, 2010, с. 154–155; Тименчик, 2015, т. 1, с. 168–169]. В 1964 г. Сурков пробил поездку Ахматовой в Италию для получения литературной премии «Этна-Таормина» [Тименчик, 2015, т. 1, с. 377–379; Далош, 2010, с. 176–179]. Не без его участия стала возможна и поездка Ахматовой в Англию в 1965 г. для получения в Оксфорде почетного звания доктора филологии, а из Англии – в Париж (см., например, [Черных, 2016, с. 814, Чуковская, 1997, т. 3, с. 271]). После смерти Ахматовой Сурков возглавил комиссию по ее литературному наследию, а в 1976 г. с его вступительной статьей вышло первое научное издание стихов Ахматовой, которое с 1966 г. готовил В. М. Жирмунский (Ахматова А. А. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. А. А. Суркова; сост., подгот. текста и примеч. В. М. Жирмунского. Л.: Сов. писатель, ЛО, 1976. (Б-ка поэта. Большая сер.)). Об этом: «Первоначально сборнику ББП предшествовало предисловие В. М. Жирмунского, но после смерти Виктора Максимовича оно было изъято и заменено сурковским» [Чуковская, 1997, т. 2, с. 447]; «Предисловие к тому написал не академик В. М. Жирмунский, хорошо знавший Ахматову с давних-давних лет, а поэт Алексей Сурков. Написана статья с твердых партийных позиций, что, несомненно, способствовало прохождению издания» [Друян, 2013].

² Попыткой помочь не только Ахматовой, но и ее арестованному сыну, была уже публикация ахматовских стихов в «Огоньке» в 1950 г. Впрямую же в хлопоты об освобождении Гумилева Сурков включился, вероятно, в июле-августе 1955 г. (датировка: [Черных, 2016, с. 584–585]). Об этом – у Герштейн: «...Н. Я. Мандельштам пошла на прием к <...> Суркову, чтобы просить помощи в своем трудоустройстве и говорить о литературном наследии Осипа Мандельштама. <...> По ее тогдашним словам, Сурков, возмущаясь былыми нарушениями законности, говорил об Анне Андреевне: “А как настрадалась Ахматова, пока не вернулся ее сын”. – “Как вернулся? Он до сих пор в лагере”, – вскричала Надежда Яковлевна. <...> Сурков попросил меня прийти к нему на прием в союз вместе с Н. Мандельштам, что и произошло на следующий день» [Герштейн, 1989б, с. 59–60]] Ср. свидетельство Н. Я. Мандельштам: «Летом 55-го года <...> Под нажимом Ахматовой я пошла к Суркову»; далее – о той встрече с Сурковым, о которой Надежда Яковлевна рассказала Герштейн, и о последующих встречах с ним [Мандельштам, 2001, с. 424–425 и др.]. Звонок Суркова по поводу Гумилева заместителю Главного военного прокурора, руководителю «особой группы» по расследованиям наиболее резонансных дел Дмитрию Павловичу Терехову (1920–1980) состоялся, по-видимому, в конце декабря 1955 г., после того, как 19 де-

Письмо А. А. Ахматовой А. А. Суркову
(Из Москвы в Москву, конец сентября (?) 1955 г.)³

Дорогой, глубокоуважаемый Алексей Александрович!

Приехав в Москву, я узнала, с каким участием и сочувствием Вы отнеслись к моему горю⁴. Мне хочется от всей души поблагодарить Вас за товарищеское отношение ко мне в тяжелейшие часы моей жизни.

Мне хочется, чтоб Вы знали, что то, что Вы сделали, останется для меня навсегда светлым и священным воспоминанием.

Будьте счастливы.

Анна Ахматова

Я все еще в тревоге и сомнениях, и все еще все не ясно⁵.

«Объяснения», ч. 3:

Но благополучного конца все еще не было, и Анна Андреевна решила обратиться к А. А. Фадееву⁶. Тогда шел XX съезд. Фадеев уже выступал, выступал

кабря Артамонов написал свой отзыв о Гумилеве (датировка звонка: [Черных, 2016, с. 591]).

³ О письме Ахматовой Суркову Герштейн не упоминает, в ее архиве копии этого документа нет. Машинописная неавторизованная копия письма хранится в фонде Ахматовой в ОР РНБ (Ф. 1073. Ед. хр. 685). Текст публикуется по этой копии, датируется по содержанию.

⁴ Если исходить из убедительного предположения, что Сурков подключился к хлопотам о сыне Ахматовой в июле-августе 1955 г., то ахматовское письмо, видимо, написано в конце сентября 1955 г. – в это время Анна Андреевна в очередной раз приехала в Москву (после 21-го сентября, когда она виделась в Ленинграде с Л. В. Шапориной; см.: [Черных, 2016, с. 587]).

⁵ Ср. дневниковую запись Шапориной от 21 сентября 1955 г.: «...сегодня пришла Маргарита Константиновна (Гринвальд. – О. Р.) <...>, а затем А. А. Ахматова. Первое, что ее спросила М. К., как дела ее сына. “Все это время я сама не своя, – сказала А. А., – прямо с ума схожу”. Ей сказал полковник Ковалев (точно не знаю: это Министерство внутренних дел или прокуратура военная), что дело Л. Н. пересматривается и скоро, вероятно, будет ответ» [Шапорина, 2012, т. 2, с. 317]. Ср. также запись Чуковской от 27 сентября 1955 г. (Москва): «Была у Анны Андреевны. <...> Очень нервна. При мне совещалась с Эммой Григорьевной по Левиному делу. Эмма Григорьевна от нее отправилась за очередной справкой в прокуратуру. Надежды растут. У Анны Андреевны какое-то новое выражение глаз – тревога, доведенная до физической боли» [Чуковская, 1997, т. 2, с. 159–160].

⁶ Фадеев Александр Александрович (1901–1956) – прозаик, публицист. Лауреат Сталинской премии за роман «Молодая гвардия» (1946). С 1939 г. по начало 1944 г. – секретарь президиума Союза писателей СССР, в 1946–1954 гг. – генеральный секретарь и председатель правления СП СССР. В 1939–1956 гг. – член ЦК ВКП(б). «Противоречие между художником и политиком – одно из главных противоречий Фадеева...»; «Подчиняясь партийной дисциплине и партийному долгу, подчиняясь “руководящим указаниям” ЦК, он мог идти против своей совести, против собственных нравственных принципов. Это было источником тяжелейших противоречий Фадеева, ломавших его, приводивших к тяжелым срывам. И вне этих противоречий он не может быть понят»; в делах репрессированных писателей встречаются документы с подписью Фадеева «С арестом согласен», «...не стоит

и Шолохов, и еще до окончания съезда Фадеев лег в Кремлевскую больницу⁷. Анна Андреевна хотела посетить его там. Нужно было передать ему письмо, про-

ли при этом вспомнить, сколько заявлений о реабилитации – писателей, друзей-дальневосточников, избирателей – написал Фадеев в Военную прокуратуру <...>, как упорно добивался он полной реабилитации Н. Заболоцкого? Сохранилось письмо Н. Заболоцкого из лагеря (оно не дошло до адресата), написанное в 1945 г. “...писать Вам мне легче, чем кому-либо, – признавался Н. Заболоцкий. – Потому что я считаю Вас честным человеком. Потому что Вы поймете меня так, как надо понять <...>”. Ю. Либединский, друживший с Фадеевым, вспоминал: “Мне доподлинно известно, что в самое тяжелое время Саша не боялся выступать в защиту несправедливо обвиненных» [Дикушина, 2004, с. 87, 77–79]. «На такой должности в то время трудно представить человека, который вел бы себя безупречно в этическом плане и при этом сколько-нибудь долго продержался. А Фадеев – продержался и сделал много хорошего. Гидаш: “Уверен, что, будь кто-нибудь другой на его месте, “суровое время” унесло бы еще гораздо больше писателей. Толчки землетрясений – я выступаю тут как свидетель – Фадеев смягчал как мог”» [Авченко, 2017, с. 256–257].

⁷ XX съезд партии проходил с 14 по 25 февраля 1956 г. Фадеев на нем не выступал (см.: [XX съезд, 1956]), речь Шолохова была произнесена 20 февраля. Соответственно, Фадеев лег в больницу не раньше 21 февраля и не позднее 24-го. «Фадеев задолго до XX съезда и “оттепели” начинает выступать против сложившейся системы управления искусством в стране. Еще в феврале 1950 года на пленуме правления СП он произносит речь “За коллегиальное руководство литературой!”. Называет гарантией от ошибок – коллективность: время “вожачков” прошло» [Авченко, 2017, с. 274]. Смерть Сталина стала для него потрясением, в одном из писем он назвал ее «ужасным несчастьем, обрушившимся на нашу страну»; не писавший о вожде, пока тот был жив, 12 марта 1953 г. Фадеев опубликовал в «Правде» статью «Гуманизм Сталина», но позднее произнес фразу: «Дышать стало легче» [Там же, с. 243, 274]. В июне 1953 г. был арестован, а в декабре расстрелян Л. П. Берия. «После ареста Берии Фадеев на время воспрянул»; в 1953–1956 гг., еще до XX съезда, «Фадеев пишет десятки, если не сотни ходатайств о реабилитации. / <...> Едва ли заявления вроде “Фадеев не принял хрущевской оттепели” или “Фадеев испугался XX съезда” состоятельны – он-то как раз звал “оттепель”, уже начинавшуюся и помимо Хрущева» [Там же, с. 255, 258]. «Либединский вспоминает: в феврале 1953 года Фадеев говорил, что неправильно, если оценку книгам дает один человек, пусть даже Сталин. <...> / В мае 1953 года пишет Суркову о необходимости перестройки СП <...> / В. Герасимова пишет, как после смерти Сталина Фадеев на закрытом партсобрании московских писателей предложил распустить СП, заменив его чем-то вроде творческого клуба: “Боже, какую ярость вызвало это предложение! Бездарные люди, которые уже пристроились к административному пирогу Союза, в первую очередь накинулись на него... Саша был буквально оплеван <...> Потом ушел – один. “Совсем один, как и был все последнее время”. <...> / С августа по октябрь 1953 года Фадеев пишет Маленкову и Хрущеву (тогдашним первым лицам СССР) несколько докладных записок <...> / в записках этих – смелые, даже резкие оценки. Он выступает за самостоятельность художника, против робости мысли и оглядки на приказы. <...> Писатель решил, что сейчас можно и нужно сделать то, что еще недавно казалось нереальным. / Оказалось – и теперь нельзя. Фадеева уже не слушают. <...> / Ни Хрущев, ни Маленков, ни Сулов, несмотря на уже начинавшуюся, пусть и осторожно, либерализацию, даже не приняли Фадеева. <...> / Он считал, что Сурков приложил руку к тому, чтобы в ЦК создалось мнение: письма – плод фадеевской алкогольной депрессии, а значит, принимать их всерьез не стоит. / В декабре 1954 года на Втором всесоюзном съезде писателей Фадеев произнес речь, похожую на исповедь. Даниил Гранин <...> отметил “необычную для того времени самокритичность его, как он говорил об ошибках в работе секретариата и более всего о своих собственных ошибках... Подобное слышать с трибуны мне никогда не приходилось”. / По итогам съезда Фадеев покинул пост руководителя СП СССР. Пер-

сительное, с изложением сути дела⁸. Она была не в силах его написать и вспомнила: «У Вас же есть черновик письма к Шолохову, составим по этому экземпляру

вым секретарем правления становится Сурков, Фадеев – в числе одиннадцати секретарей. У него противоречивые чувства: наконец-то станет меньше забот и можно будет завершить роман – но, с другой стороны, неужели он больше не нужен как организатор? Чуковский: “Он был не создан для неудачничества, он так привык к роли вождя, решителя писательских судеб – что положение отставного литературного маршала для него было лютым мучением”»; «...Уже с 1953 года Фадеев был лишь номинальной фигурой в руководстве Союза писателей – ключевые решения принимали Сурков и Софронов. Непростое, двойственное положение: сделать ничего не можешь, а ответственность, прежде всего моральную, несешь» [Авченко, 2017, с. 275–278]. «По поводу присутствия на съезде Фадеева есть разные мнения. Жуков пишет, что Фадеев попал в число делегатов, но участвовать не смог, поскольку почти всю зиму провел в больнице. Д. Бuzин утверждает, что Фадеева не включили в число делегатов XX съезда, что было знаком опалы (в списке делегатов Фадеев действительно не значится), но он как член ЦК был вправе принять участие в работе съезда. По словам Бузина, Фадеев сбежал от врачей и пришел на съезд» [Там же, с. 278]. На XX съезде Фадеева избрали уже не членом, а лишь кандидатом в члены ЦК КПСС. Кроме того, его долго критиковал в своей речи Шолохов: «...Фадеев оказался достаточно властолюбивым генсеком и не захотел считаться в работе с принципом коллегиальности. <...> Общими и дружными усилиями мы похитили у Фадеева пятнадцать лучших творческих лет его жизни, а в результате не имеем ни генсека, ни писателя. А разве нельзя было в свое время сказать Фадееву: “Властолюбие в писательском деле – вещь никчемная. Союз писателей – не воинская часть и уж никак не штрафной батальон, и стоять по стойке “смирно” никто из писателей перед тобой не будет, тов. Фадеев”. / Чем занимался Фадеев на протяжении этих 15 лет? <...> / Неужто для административно-хозяйственной работы не нашлось у нас в партии человека масштабом поменьше?..» [XX съезд..., 1956, т. 1, с. 585–586]. Если вслед за Герштейн считать, что Фадеев лег в больницу, не дождавшись конца съезда, то из этого следует, что речь Хрущева, в которой разоблачался культ личности Сталина, он не слышал: она прозвучала в последний день, 25 февраля. Что касается причин госпитализации, то их мог быть целый комплекс. «Чувство непреодолимого одиночества, черная меланхолия, приступы тоски преследовали Фадеева с середины 30-х годов до конца жизни – а все его фотографии свидетельствуют об обратном: они удостоверяют облик жизнерадостного, полного сил, открытого человека» [Иванова, 1998, с. 199]. Значительное ухудшение здоровья началось примерно с 1945 г.: бессонница, проблемы с сердцем, с печенью; в 1953 г. в письме пишет о себе: «...болен психически. Я совершенно, пока что, неработоспособен». Биограф о нем: «Да, пил, да, срывался, да, лечился – но это беда многих. / Другое дело, что нервы его в последние годы никуда не годились / <...> В феврале 1956 года Фадеев пишет Ильяхову: “Жизнь моя проходит в непрерывном чередовании больницы с многообразными делами, которых накапливается тем больше, чем чаще я выбываю из строя”» [Авченко, 2017, с. 325, 328].

⁸ Пересечения Ахматовой и Фадеева связаны главным образом с положением Фадеева как крупного литературного и партийного функционера. Его отношение к Ахматовой отмечено характерными для него противоречиями. В 1928 г. Михаил Зенкевич закончил беллетристические мемуары «Мужицкий сфинкс» и дал их прочесть Фадееву, тогда одному из руководителей РАППа, – «чтоб помог напечатать. Тот удивился, прочитав написанное: “Зачем все эти Ахматовы, Гумилевы, Нарбуты, Сологубы?.. Сейчас нужно не прошлое ворошить, а творчески устремляться в будущее”» (Вступ. заметка В. Лаврова к тексту: Зенкевич М. А. У камина с Ахматовой // [Воспоминания..., 1991, с. 91]). О том же – в авторском предисловии к «Мужицкому сфинксу»: [Зенкевич, 1994, с. 413]. Глава об Ахматовой была впервые опубликована в 1989 г., а целиком мемуары вышли в 1991 г. Когда в 1939 г. ахматовские стихи впервые после пятнадцатилетнего перерыва должны были появиться

в печати – в «Московском альманахе», Фадеев написал в редакцию этого издания: «...альманах *по существу* должен быть альманахом молодежи. <...> / Поэтому я предлагаю изъять из альманаха вещи “стариков” (Асеева, Зощенко, Ахматовой). Раньше я придерживался другого мнения, недооценив одного очень существенного обстоятельства <...> первая же книга альманаха получит плохой политический резонанс...» [Фадеев, 1971, т. 7, с. 120–121]. Произведения «стариков» напечатаны в альманахе не были. В том же 1939 г. Ахматова была принята в Союз писателей СССР, что не могло осуществиться без одобрения Фадеева. В 1939–1940 гг. Фадеев деятельно участвовал в хлопотах о предоставлении Ахматовой «самостоятельной жилплощади», «установлении ей персональной пенсии» и выдачи ей правлением Литфонда безвозвратной ссуды [Черных, 2016, с. 372–373]. 17 января 1940 г. Фадеев писал зам. председателя Совнаркома СССР А. Ю. Вышинскому (курировавшему, в частности, культуру): «В Ленинграде в исключительно тяжелых материальных и жилищных условиях живет известная поэтесса АХМАТОВА <...> которая при всем несоответствии ее поэтического дарования нашему времени, тем не менее была и остается крупнейшим поэтом предреволюционного времени...». Вышинский обратился с указанием о предоставлении Ахматовой жилья к председателю Ленгорсовета П. С. Попкову, но результат не было [Чуковская, 1997, т. 1, с. 326; Черных, 2016, с. 374–375]. Хлопотавшим за Ахматову удалось добиться лишь безвозвратной ссуды. Подробно о длительной истории хлопот: [Соболев, 2017]. О выдвижении на Сталинскую премию ахматовского сборника «Из шести книг» в 1940 г.: «За нее горячо ратовали <...> А. Н. Толстой и Н. Н. Асеев, которых поддерживал А. А. Фадеев, да и остальные члены секции были твердо “за”. Потом вдруг что-то произошло. <...> после чего Фадеев не без смущения предложил секции снять кандидатуру Ахматовой, потому что она “все равно не пройдет на пленуме”» [Виленкин, 1991, с. 342–343]. Ахматова в разговоре с Шапориной: «...вскоре после появления моей книги “Из шести книг” она была запрещена, был устроен скандал редактору, издательству. Приезжал Фадеев, было бурное заседание в Союзе писателей, и Фадеев страшно ругал мою книгу. Я не присутствовала на этом заседании. Но была вскоре на каком-то вечере там же. Фадеев, увидев меня, соскочил с эстрады, целовал руки, объяснял в любви» [Шапорова, 2012, т. 2, с. 38]. В том же 1940 г., еще в период ожидания Сталинской премии для Ахматовой, Фадеев впервые пытался вступить за ее сына. 27 августа в Переделкине К. И. Чуковский записал в дневнике: «Сидит внизу А. А. Вчера Фадеев прислал ей большое письмо, что он дозволился до нужного ей человека, чтобы она завтра утром позвонила Фадееву, и он сведет ее с этим человеком» [Чуковский, 1994, с. 156]. О том же – запись Л. К. Чуковской от 31 августа: «Ее поразило и, конечно, обрадовало, что Фадеев принял ее очень любезно и сразу сделал все, от него зависящее. (Все последние дни перед отъездом она твердила: “Фадеев меня и на глаза не пустит”). Поражена также тем, что Фадеев и Пастернак выдвинули ее книгу на Сталинскую премию» [Чуковская, 1997, т. 1, с. 189]. К тем же дням относится дарственная надпись Ахматовой на сборнике «Из шести книг»: «Александр Александрович / Фадееву – / автору прекрасных / страниц / русской прозы / с глубоким уважением / и безмерной благодарностью / Анна Ахматова. / 25 авг. 1940. / Переделкино» (Автограф приводится по скану оригинала в публ.: [Сеславинский, 2014, с. 16]. 28 сентября 1941 г. Ахматова вылетела из блокадного Ленинграда в Москву по вызову, организованному ей и Зощенко; вызов был подписан Фадеевым [Томашевская, 1990, с. 422]; из Москвы в Чистополь Ахматова также была отправлена по указанию Фадеева [Пастернак, 1989, с. 556] (из Чистополя Ахматова вскоре перебралась в Ташкент).

После августовского постановления 1946 г. имена Ахматовой и Зощенко многократно звучали в докладах и статьях Фадеева. Например: «...что общего между Анной Ахматовой и Михаилом Зощенко <...> оба они принадлежали к тем литературным течениям, которые проповедовали отрицание идейности и политики в литературе. <...> / Анна Ахматова <...> сложилась, главным образом, под влиянием Гумилева, который был прямым и открытым противником революции. <...> / Для нее весь наш мир – чуждый мир. / Как и свойственно

всем литературным декадентам, в стихах Ахматовой много мистицизма, чрезмерного внимания к сексуальным мотивам, и если бы мы пытались воспитывать на этих стихах нашу молодежь, они очень далеко увели бы ее» (Фадеев А. А. Задачи советской литературы // [Фадеев, 1971, т. 5, с. 492, 494]). «...Зощенко и Ахматова сильны не сами по себе, они являются как бы двумя ипостасями глубоко чуждого и враждебного нам явления. <...> писания Зощенко и Ахматовой являлись отражением на нашей почве того процесса, который в условиях Западной Европы дошел до своего логического конца и выражает там глубокий духовный кризис. <...> / Обывательское злопахательство Зощенко и религиозная эротика Ахматовой не случайно шли рядом» (Фадеев А. А. Задачи литературной теории и критики // [Там же, с. 534–535]). «Что же касается Ахматовой, то Ахматова – это поэт, можно сказать, старой России, последнее наследство декадентства, оставшееся у нас. Стихи ее полны пессимизма, упадка. Что общего они имеют с нашей советской жизнью <...> Так почему же мы должны мириться с тем, чтобы нашу молодежь развращала, заводила в тупик безверия, пессимизма и упадка госпожа Ахматова?» (доклад Фадеева на собрании Чехословацкого общества культурной связи с СССР в Праге 5 ноября 1946 г. – стенограмма, направленная Фадеевым Жданову; цит. по: [Черных, 2016, с. 508]). Дневниковая запись Шапориной от 16 ноября 1946 г. (в этот день пражский доклад Фадеева был в сокращенном виде напечатан в «Литературной газете» в статье «Собрание писателей и интеллигенции в Праге»): «Из речи Фадеева в Праге: “Я не понимаю, зачем местной газете “Свободные Новины” понадобилось на своих страницах печатать произведения Зощенко и Ахматовой? Зачем нужно собирать объедки с чужого стола, выброшенные в мусорный ящик..., такой путь собирания объедков с чужого стола может привести только в болото”. Кто дал ему право так говорить? Какая отвратительная подлость»; от 20 января 1947 г.: «Я ей сказала, что была у нее под впечатлением выступления Фадеева в Праге. Все, что было до этого, не могло меня удивить, т. к. ничего, кроме гнусностей, я и не ждала, но писатель, русский интеллигент, – это возмутило меня до глубины души. “А мне его только очень жаль, – ответила А. А. – Ведь он был послан нарочно для этого, ему было приказано так выступить, разъяснить. Я знаю, что он любит мои стихи, и вот исполняет приказание. Я ни на кого ничуть не обижаюсь, я это искренно говорю; ничего от этого всего не случится, стихи мои не станут хуже”» [Шапорина, 2012, т. 2, с. 30, 38]. О подлинном состоянии Фадеева после постановления см.: [Либединская, 2011, с. 273–276] (впервые книга была опубликована в 1966 г.). В конце сентября 1946 г. по инициативе Фадеева Ахматова и Зощенко были восстановлены в правах членов Литфонда, что означало возвращение продовольственных карточек и других видов нормированного снабжения; «Приехав с этим решением в Ленинград, Фадеев в кругу товарищей говорил: “Братцы, я привез пайки для двух пострадавших писателей”» [Эвентов, 1991, с. 200; Воспоминания..., 1991, с. 470]. Через много лет, 4 июня 1959 г. Глэкин записал после встречи с Ахматовой: «...Ал. Фадеева считает очень порядочным человеком, несмотря на его речь о том, что Ахматова “сгноила три поколения советской молодежи” (1946)» [Глэкин, 2015, с. 62]. Однако примерно в то же время, в мае 1959 г., Ахматова упомянула Фадеева в красноречивом перечне: «...я, уже бесчисленное количество раз начисто уничтоженная, снова подверглась уничтожению в 1946 дружными усилиями людей (Сталин, Жданов, Сергиевский, Фадеев, Еголин), из которых последний умер вчера, а стихи мои более или менее живы, но имя мое в печати не упоминается...» ([Ахматова, 1989, с. 6]; см. также запись 1962 г.: [Записные книжки..., 1996, с. 265]).

По свидетельству Е. Б. Пастернака, именно Фадеев посоветовал Ахматовой написать верноподданнические стихи, чтобы помочь сыну [Пастернак, 1997, с. 646]. 7 декабря 1949 г. Ахматова послала стихи из цикла «Слава миру» Фадееву с сопроводительным письмом (по-видимому, через Ольшевскую); 1 марта 1950 г. Фадеев написал об Ахматовой секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Сулову: «...посылаю Вам для сведения ее новые стихи. Стихи неважные, абстрактные, но, вместе с тем, они свидетельствуют о некоторых сдвигах в ее “умонастроении”»; Сулов передал стихи Суркову, напечатавшему их в «Огонь-

ру, там все изложено». Я и оборвала обращение к Михаилу Александровичу в моем черновике. А потом заметила, что там есть ахматовские поправки, пожалела и сохранила. Писали мы, очевидно, вместе. То, что написано моей рукой, вероятно, было набросано тут же, с ее слов. Я очень плохо помню, как это было, но хорошо помню, как Анна Андреевна вставила своей рукой в беловой экземпляр – «мне кажется, что я стою перед открытой могилой своего сына»⁹, перепечатывать уже не было времени, она подписала письмо, и так с поправками я поспешила его отнести в Кремлевскую больницу.

Письмо А. А. Ахматовой А. А. Фадееву
(Из Москвы в Москву, 21 февраля – 1 марта 1956 г.)¹⁰:

Дорогой Александр Александрович!
Помогите мне в моем великом горе.

Мой сын, Лев Николаевич Гумилев, 7-й год находится в спецлагере. Его обвиняют в антисоветской агитации. Он осужден на 10 лет лишения свободы с последующим поражением в правах Особым совещанием по ст. 17-58, 8, 10. Вот уже 10 месяцев Главная военная прокуратура пересматривает его дело, которое находится под особым контролем (№ для справок 7-50043-49). Мой сын клянется, что никакого повода для репрессий не давал, что он – невинно осужденный. Он отрицал свою вину и на следствии в Лефортовской тюрьме в 1949–50 г., когда его допрашивал Абакумов со своими приспешниками, и недавно, на допросе в сен-

ке» [Огрызко, 2015, с. 3; Герштейн, 1989б, с. 56]. Фадеев стремился вернуть Ахматову в Союз писателей, в связи с чем, по словам Суркова, «консультировался в соответствующих органах, и ему сказали, что это надо сделать» [Огрызко, 2015, с. 3]. Также сохранилось письмо и. о. секретаря партгруппы ССП Н. М. Грибачева и Фадеева Суслову с просьбой разрешить восстановить Ахматову [Огрызко, 2017, с. 4]. После получения положительного ответа процесс восстановления был запущен. 19 января 1951 г. Президиум ССП СССР, заслушав выступление Фадеева, постановил восстановить Ахматову в правах члена Союза [Черных, 2016, с. 534]. 19 сентября 1952 г. Ахматова послала Фадееву рукопись сборника «Слава миру», в который вошли стихи, публиковавшиеся в «Огоньке», а также стихи о Великой Отечественной войне и некоторые переводы (см.: [Ахматова, 1990, с. 49–62, примеч. на с. 331–333]), редактором сборника был Сурков [Чуковская, 1997, т. 2, с. 69]. Рукопись сопровождалась письмом, в котором была, в частности, фраза: «После моего инфаркта ленинградский климат стал для меня совершенно невыносим, и я очень прошу Вас при распределении новой жилплощади вспомнить обо мне» [Фадеев, 2001, с. 283]. Фадеев, ставший первым внутренним рецензентом рукописи, в целом ее одобрил [Черных, 2016, с. 550], однако сборник не вышел. В качестве жилья московский Союз писателей предложил Ахматовой не квартиру, а комнату в коммунальной квартире, от которой она отказалась [Чуковская, 1997, т. 2, с. 77, 83]. Осенью 1953 г. Фадеев хотел назвать Ахматову, Пастернака и Зощенко «в положительном плане» на Пленуме Правления ССП – это не было разрешено [Черных, 2016, с. 557]. Следующие попытки помочь Ахматовой, о которых есть сведения, относятся уже к 1956 г.

⁹ По-видимому, абберрация памяти. Фраза об «открытой могиле» есть в более позднем ахматовском письме Фадееву, которое будет приведено в примечании № 29.

¹⁰ РГБ. Ф. 641. Кар. 3. Ед. хр. 7. Л. 3–4 об. Черновик письма: машинопись с поправками и рукописными вставками рукой Герштейн (фиолетовые чернила), без подписи. В той же ед. хр. на л. 1–2 об. – наброски этого письма рукой Герштейн (синий карандаш).

тябре 1955 г., к^{оторо}му он был подвергнут прокурором, приехавшим из Москвы¹¹. Он думает, что положение его осложнено и тем, что до ареста в 1949 г. он дважды привлекался к ответственности: в 1935 г., тогда он был через 10 дней после ареста выпущен из тюрьмы на свободу, и в 1938-м, когда он был осужден на 5 лет лишения свободы за то, что «считал свой арест неоправданной жестокостью», причем этого он в действительности не говорил.

Нач^{альник} следственного отдела Главной военной прокуратуры тов. Занчевский¹² говорит, что дело проверяется так долго из-за того, что имеется очень много материалов. А сын мой удивляется, сколько можно проверять «пустое место»? Я думаю, что Прокуратура располагает свидетельскими показаниями, которые исходят от людей, мало его знавших. Вы как психолог и беллетрист знаете, как часто люди передают за верное то, что подсказано им их досуговой фантазией. Такие домыслы уже много лет опутывают моего сына. Люди, которые видели его лишь однажды, утверждают, что «хорошо его знают», рассказывают о нем то, что, по их мнению, должно характеризовать сына Гумилева и Ахматовой, их слушатели передают это при случае дальше, и таким образом возникают свидетельские показания, из-за которых гибнет мой сын.

Я со своей стороны могу сказать, что годы перед арестом он жил вместе со мной; никогда, нигде, ни с кем он не обсуждал Постановления ЦК партии о журналах «Звезда» и «Ленинград», не проронил ни одного слова по этому поводу, понимая, что каждое его слово может быть перетолковано в дурную сторону. Может быть, от него ждали, чтобы он публично выступил по этому поводу? Но кто же мог требовать этого от моего родного сына? Между тем этот пункт фигурирует в обвинении. Его спрашивают, где, когда и при каких обстоятельствах он критиковал Постановление. – Нигде! Никогда!

За 4 года, что он прожил на свободе, он окончил университет, защитил кандидатскую диссертацию, подготовил к печати книгу и ряд статей. Он упорно работал, чтобы стать полезным Родине советским историком, <a> какую ценность имеют его труды, Вы увидите из отзывов крупных советских ученых, копии которых я прилагаю¹³.

За 4 года, что он прожил на свободе, он окончил исторический факультет университета, защитил диссертацию, подготовил к печати исследовательскую книгу и ряд статей¹⁴. Ему это было трудно, потому что его научные враги добились того, что его уволили из ИВАНа, создавали ему репутацию антисоветского человека, хотели даже объявить его сумасшедшим, провокационно предложив работу в библиотеке психиатрической больницы. Как он мог, живя в таком напряжении и под пристальным наблюдением, заниматься антисоветской агитацией? И зачем

¹¹ Первоначально было: «...когда его допрашивал прокурор, приехавший в лагерь из Москвы». Из наброска письма на л. 1: «Отрицал его (обвинение. – О. Р.) и на допросе, которому был подвергнут в сент. 55 выехавшим к нему в лагерь прокурором (в г. Омск)».

¹² Имеется в виду Сергей Константинович Занчевский (1918–1998). В 1941–1955 гг. прошел путь от военного следователя до старшего помощника Главного военного прокурора. В 1967 г. – заместитель Главного военного прокурора. В 1973 г. – Заслуженный юрист РСФСР, назначен первым заместителем Главного военного прокурора ([Военная юстиция. ..., 2017, с. 237]; подробнее о Занчевском: [Петров, 2018].

¹³ В наброске письма на л. 1: «Струве, Окладн^{иков} Артамонов».

¹⁴ Так (повтор)!

бы он стал это делать, <когда так упорно работал над собой, чтобы овладеть подлинно марксистским взглядом на исторический процесс,>¹⁵ так страстно хотел быть полезным Родине советским историком? Что ж он, самоубийца? Или хотел подвергнуть меня новому испытанию?

О зрелости его исторических воззрений можно судить хотя бы по его работе, которую он написал в лагере. По вечерам, лежа на нарах, на подставленной дощечке он написал «Историю Срединной Азии», труд в 20 печ<атных> листов¹⁶. Эту его книгу читал член-корреспондент АН СССР Николай Иосифович Конрад¹⁷. Вы можете позвонить ему по телефону В2-24-32. Он, наверно, не откажется

¹⁵ Часть предложения, заключенная мной в угловые скобки, зачеркнута.

¹⁶ Между строк основного текста вставлено дополнение: «А его обвиняют в том, что он кого-то (не знаю, кого) подговаривал совершить террористический акт (не знаю, против кого). Мой сын – серьезный историк, человек, умеющий смотреть на события исторически, а не авантюрист политический!»

¹⁷ Конрад Николай Иосифович (1891–1970) – основатель и глава советской школы японистики, китаевед, корейст. О неоднократно менявшихся взаимоотношениях Конрада с советским режимом см.: [Алпатов, 2002, с. 209–211]. В 1922 г. Конрад создал первую в России кафедру японской словесности в Петроградском (с 1924 г. Ленинградском) университете. В 1922–1938 гг. руководил всеми петроградскими (ленинградскими) японистическими центрами. С 1926 г. – профессор. С 1934 г. – член-корреспондент Академии наук СССР. В 1938–1941 гг. прошел через тюрьму, пытки и лагерь, затем – через шарашку, где смог продолжить занятия наукой. Был выпущен в 1941 г. в связи с тем, что стране срочно понадобились японисты для переводов японской военной литературы. Возглавил японскую кафедру Московского института востоковедения и др. Будучи наполовину латышским немцем, наполовину русским, в период борьбы с «космополитизмом» был вынужден уйти со всех должностей и в 1950 г. перешел на пенсию по инвалидности. В 1951 г., когда ситуация стала несколько спокойнее, вернулся в академический Институт востоковедения в Москве. «В такой ситуации поистине безумным выглядел поступок человека с подозрительно-космополитичной фамилией Конрад, уже прошедшего лагерь и прекрасно знающего об арестах “повторников”: на заседании бюро Отделения литературы и языка АН он осмелился возражать против увольнения из Пушкинского Дома выдающегося литературоведа Б. М. Эйхенбаума; единственный из всего состава бюро! <...> / Память об ушедших учителях, погибших друзьях и коллегах, помощь тем из них, кому удалось выжить, пройдя сквозь ад сталинских тюрем и лагерей, материализовалась в жизни Николая Иосифовича Конрада в многолетний, каждодневный труд по изданию самого ценного для ученого – их научного наследия. Пожалуй, трудно назвать другое имя академика, столь же много сделавшего в этой области в 50–60-е годы!» [Сорокина, 1995, с. 139]. В 1958 г. Конрад был избран действительным членом Академии наук. В 1970 г. получил в Японии высшую награду для иностранцев – орден Восходящего солнца. Автор более двухсот научных работ; итоговый труд Конрада – «Запад и Восток». «Первое, что бросается в глаза при рассмотрении научного наследия Н. И. Конрада – широта и многогранность его интересов <...> В пределах же китайистики и особенно японистики <...> он писал о классической и современной литературе, древней, средневековой и новой истории, старописьменном и современном языке, системе образования и культурной политике, традиционном и современном театре, этнографии, культурных связях Японии и Китая с Европой и Россией и т. д., переводил древних и современных авторов. <...> / При большом разбросе тематики вся научная деятельность Н. И. Конрада имела четкий стержень – изучение духовной культуры в широком смысле этого слова» [Конрад, 1996, с. 4–5].

подтвердить свое мнение о ней, о том, что «это очень интересная работа и имеет большое научное значение»¹⁸.

¹⁸ «Конрад прежде не был знаком с Гумилевым, но заинтересовался судьбой ученого, который даже в лагере продолжал заниматься наукой» [Беляков, 2013, с. 258], ведь Конрад и сам – во время пересмотра своего дела – занимался наукой в тюрьме. Свидетельство Герштейн: летом 1955 г. у Ахматовой «установилась связь с известным востоковедом Николаем Иосифовичем Конрадом. Но, несмотря на его усилия, ему тоже не удалось добиться хотя бы одного обнадеживающего слова. Кажется, я даже не рассказала Анне Андреевне об одной неудачной попытке Конрада. Он был прикреплен к Кремлевской поликлинике, и к нему приезжал врач, лечащий также П. Н. Поспелова, секретаря ЦК, руководителя идеологической работы, академика. Конрад попросил своего лечащего врача передать Поспелову письмо, в котором ходатайствовал о пересмотре дела востоковеда Л. Н. Гумилева. Врач передал просьбу Конрада, Поспелов прочел, но ничего не ответил, ни устно, ни письменно. / Анна Андреевна познакомилась с Конрадом, когда работала над переводами из корейской и китайской поэзии для Гослита. В это время началось издание многотомной Всеобщей истории, и Конрад хотел привлечь к участию в этой работе Л. Н. Гумилева, не дожидаясь его освобождения (с крупными специалистами это иногда делалось). Особенно горячо отнесся Конрад к Гумилеву, когда прочел его рукопись (20 листов) по истории Средней Азии, которую Лев написал в лагере и ухитрился переслать мне в октябре 1955 года. Перепечатав на машинке, я отнесла ее Конраду. С какой нежностью он держал в руках, как будто взвешивал каждую, четыре красные папки, в которые я вложила рукопись! Но <...> рекомендации и усилия этого авторитетного ученого не дали желаемого результата» [Герштейн, 1989б, с. 60]. Конрад писал не только Поспелову: сохранился ответ ему за 30 июля 1956 г. от прокурора отдела Главной военной прокуратуры с сообщением о прекращении дела Л. Н. Гумилева (АРАН. Ф. 1675 (фонд Н. И. Конрада). Ед. хр. 257). Поскольку Конрад хлопотал самостоятельно, его ходатайств нет в подборке Герштейн; на сегодняшний день их тексты неизвестны. Привлечь Гумилева к работе над «Всемирной историей» Конраду не удалось (подробно об этом: [Беляков, 2013, с. 258–260]). Гумилева интерес к нему Конрада очень обрадовал. 27 июля 1955 г. он писал Герштейн: «Николай Иосифович – это такой человек, перед коим не зазорно и на пузо лечь. Это титан востоковедения, и его мнение о моих работах – это такая награда, что лучше и быть не может» [Герштейн, 1998, с. 363; см. также с. 364, 368, 370, 376].

17 ноября 1961 г. Гумилев защитил докторскую диссертацию, в связи с чем Чуковская записала: «Я поздравила Анну Андреевну с Левиной диссертацией, передала ей – со слов Оксмана, – что Конрад считает его великим ученым» [Чуковская, 1997, т. 2, с. 479. Запись от 1 января 1962 г.]. Сохранились документальные свидетельства контактов Ахматовой и Конрада. Конрад получил от Ахматовой издание «Корейской классической поэзии» (1956) с инскриптом: «Николаю Иосифовичу / Конраду – / с глубоким уважением / и благодарностью / на строгий суд – / Ахматова. / 13 апреля / 1956 / Москва» (воспроизведение автографа: [Варава, 2014, с. 32]). 6 мая 1956 г. он ответил: «Глубокоуважаемая Анна Андреевна! / От души благодарю Вас за “Корейскую поэзию”. Этот Ваш подарок мне дорог вдвойне: поэзия эта создана народом, среди которого я прожил несколько очень хороших лет и который я очень люблю, русский же облик этой поэзии создан Вами, творчество которой уже давно и прочно вошло в мое сознание, как, вероятно, и очень, очень многих людей, особенно – тех, кому выпало счастье быть Вашим современником. / Спасибо. Н. Конрад» [Конрад, 1996, с. 322]. 20 мая 1956 г. Ахматова подарила Конраду машинопись «Реквиема» и «Поэмы без героя» [Черных, 2016, с. 600]. Инскрипт на титуле ахматовского сборника «Из шести книг»: «Николаю Иосифовичу / Конраду / в знак / глубокой благодарности / Ахматова / 28 апреля / 1957 / Москва» [Конрад, 1996, с. 506] (воспроизведение автографа в блоке иллюстраций, неточная публикация). 8 марта 1958 г. Чуковская привезла Ахматовой в подмосковный санаторий в Болшеве ее ленинградскую почту: «Из приве-

Александр Александрович! Я работаю из последних сил: впервые перевела на русский язык две поэмы китайского классика века Цюй Юаня¹⁹, антологию корейской поэзии, перевела для юбилейного издания В. Гюго «Марион Делорм»²⁰, в альманахе «Литературная Москва» печатаются мои новые стихи²¹. Сейчас мне

женной мною пачки она извлекла также письмо от Конрада по поводу каких-то ее хлопот о какой-то Левиной книге. Хотя известия, насколько я могла понять, были благоприятные – письмо взволновало ее.

– Мне не под силу больше хлопотать, – сказала она...» [Чуковская, 1997, т. 2, с. 280]. «Левина книга» – «Хунну. Срединная Азия в древние времена», которая выйдет в 1960 г. По-видимому, Ахматова ответила Конраду не сразу. Черновик ахматовского письма от начала апреля (?) 1958 г. (датировка: [Черных, 2016, с. 628]): «Глубокоуважаемый и дорогой / Ник<олай> Иосиф<ович>. / Мне бесконечно тяжело думать, что Вы хоть на минуту могли поверить, что я могу не откликнуться на такое письмо, кот<орое> Вы прислали мне в Ленинград. Дело в том, что в это время я была в Болшеве, а моя воспитанница не пересылает мне письма. Я очень прошу Вас, Ник<олай> Иос<ифович>, верить, что все, что Вы сделали для моего сына, а следовательно для меня, останется самым светлым воспоминанием на фоне моих страшных лет. Еще и еще раз благодарю Вас. Анна Ахматова» [Записные книжки..., 1996, с. 7]. Письмо Конрада Ахматовой от 23 июня 1958 г.: «Глубокоуважаемая Анна Андреевна. / Я получил Вашу – совместную с Львом Николаевичем телеграмму с поздравлением по случаю моего избрания в действительные члены Академии наук СССР. Поверьте, я очень тронут таким знаком Вашего внимания и Вашего доброго расположения. / Спасибо вам обоим. С наилучшими пожеланиями / Н. Конрад» [Конрад, 1996, с. 324]. Дарственная надпись от 30 декабря 1958 г. на сборнике «Стихотворения» (1958): «Николаю Иосифовичу Конраду с глубоким уважением. А. Ахматова» [Черных, 2016, с. 639]. Имя Конрада есть и в списке тех, кому Ахматова собиралась подарить сборник 1965 г. «Бег времени» [Записные книжки..., 1996, с. 573].

¹⁹ Пропуск на месте века. Даты жизни Цюй Юаня: ок. 340 – ок. 278 г. до н. э. Под двумя поэмами подразумеваются «Лисао» и «Призывание души». Впервые ахматовские переводы появились в изд.: Цюй Юань. Стихи. М.: Гослитиздат, 1954 (переизд. в 1956 г.).

²⁰ [Гюго, 1953]. «Марьон Делорм» – драма в пяти действиях. Авторское прозаическое предисловие к ней [Там же, с. 7–12] Ахматова не переводила, перевод этого текста был взят редакцией из предшеств. изд.: Гюго В. Марион Делорм / Пер. Б. К. Лившица // [Гюго, 1937, с. 69–227]. Предисловие к «Марион Делорм» – [Там же, с. 69–74]. Имя Лившица под переводом предисловия в издании 1953 г. указано быть не могло, поскольку поэт Бенедикт Лившиц в 1938 г. был расстрелян как «враг народа».

²¹ Речь идет о подготовке первой после постановления 1946 г. публикации нескольких ахматовских текстов не из цикла «Слава миру». Воспоминания М. И. Алигер: «В конце 1955 года, став членом редколлегии одного московского альманаха, я попросила стихи и у Анны Андреевны. Она долго отбирала, заменяла, раздумывала и передумывала...» (Алигер М. В последний раз // [Воспоминания..., 1991, с. 361]). В первом выпуске альманаха «Литературная Москва» (М.: Гослитиздат, 1956. С. 537–539) было напечатано несколько строф из «Поэмы без героя» под названием «Петроград. 1916» (фрагменты заканчиваются строкой «Настоящий Двадцатый Век» – таким образом, под его началом подразумевается 1917 г.) и три стихотворения, объединенные в цикл «Азия» («Третью весну встречаю вдали...», «Разве я стала совсем не та...», «Ты, Азия – родина родин!...»). Об отношении Ахматовой к произведениям разных авторов в этом выпуске см.: [Чуковская, 1997, т. 2, с. 186–188, запись от 29 февраля 1956 г.]. В том же году вышел и второй выпуск альманаха. Сборники были подготовлены Э. Г. Казакевичем, М. И. Алигер, В. А. Кавериним и др. Наряду со стихами, прозой, статьями официально признанных писателей там, кроме произведений Ахматовой, напечатаны стихи эмигрантки М. Цветаевой, бывшего лагерника Н. Заболоцкого и т. д.; тексты многих авторов проникнуты «оттепель-

предлагают переводить поэтов Индии²², но как я могу работать, живя в таком отчаянии! Я про²³ не знаю, как буду работать дальше. Сын мой тоже болен, только что перенес операцию крайне запущенного аппендицита. Я не видела его, и, если сейчас его не реабилитируют, наверное, больше его никогда не увижу. Теперь можно сказать без преувеличения сказать²⁴, что катастрофа и для меня, и для моего сына неминуема.

Простите, что я, против своего обыкновения, пишу Вам так длинно²⁵. Но я невольно вылила Вам душу и хотела, чтобы Вы как можно лучше поняли положение дела моего сына. Если Вы можете мне помочь, я буду Вам безмерно благодарна. Если же считаете это для себя невозможным, ради бога, известите меня. Я так уже измучена пыткой ожидания, что прошу Вас не держать меня в неведении, каково бы ни было положение дела. Может быть, мне нужно самой обратиться к Правительству?²⁶ Я убеждена, что при своей великой человечности наше новое руководство не оставит нас в таком безвыходном положении²⁷.

ным» духом. Первый выпуск «Литературной Москвы» был принят благожелательно, второй же был подвергнут разгромной критике. Хотя уже был подготовлен третий выпуск (в котором вновь должны были появиться стихи Ахматовой), издание больше не выходило. О травле редколлегии альманаха см.: [Чуковская, 1997, т. 2, с. 693–694]. Об истории альманаха см. главу «Литературная Москва» в мемуарах [Каверин, 1989, с. 344–368], ряд писем Э. Г. Казакевича [Казакевич, 1990, с. 369–376, 402, 433–437, 443 и др.] и т. д.

²² Ахматова переводила стихи двух индийских поэтов: Рабиндраната Тагора (1861–1941) и Сумитранандана Панта (1900–1977). Над Тагором Ахматова работала с 1956 г. Первые ахматовские переводы были напечатаны в 1957 г. в седьмом томе изд.: [Тагор, 1955–1957]. Последующие делались для седьмого и восьмого томов изд.: [Тагор, 1961–1965]. В работе принимал участие Найман. Подробнее о переводах Ахматовой и о ее отношении к Тагору см., например: [«Ваша осинка...», 2022, с. 114–115]. Над стихами Панта Ахматова работала в 1959 г. См. [Записные книжки..., 1996, с. 30, 77]. Ср. также письмо Ахматовой к Герштейн от 29 января 1959 г.: «Очень прошу Вас переписать эти четыре стихотворения Панта в моем переводе и доставить их тов. Зимину в И<здательств>во Ин<остранной> Литературы – хотя бы по почте» [Герштейн, 1989а, с. 264]. Первая публ. ее переводов: [Пант, 1959].

²³ Так! По-видимому, должно было быть «я просто не знаю» или «я про себя не знаю».

²⁴ Так (повтор)!

²⁵ В ахматовском эпистолярии длинные, подробные письма – редкость. Ахматова не раз сообщала корреспондентам о своей «аграфии» («несчастливая особенность моего характера, которая делает для меня писание писем предприятием почти невозможным») [Н. Гумилев, А. Ахматова..., 2005, с. 104]. Детальное описание судьбы Гумилева в публикуемых ходатайствах принадлежит Герштейн. Она – о ходатайстве Шолохову: «...сочиняла и печатала на машинке я, а Анна Андреевна правила карандашом», Фадееву (по шолоховскому образцу): «Писали мы, очевидно, вместе». Ср. эти письма, написанные Ахматовой совместно с Герштейн и напечатанные Эммой Григорьевной на машинке, с короткими письмами тем же адресатам, написанными без участия Герштейн, от руки.

²⁶ О письменных обращениях Ахматовой к верховным властям (8 февраля 1954 г. – к председателю Президиума Верховного Совета СССР, члену Президиума ЦК КПСС Ворошилову, а несколько позднее в том же году – к государственному и партийному деятелю, академику Г. М. Кржижановскому, чтобы передал ее письмо «выше») см.: [Ахматова, 1994, 22; Герштейн, 1998, с. 317–318, 350–351; Герштейн, 1989б, с. 57–58]. Поскольку эти хлопоты были безуспешны, Ахматова, по словам Герштейн, поняла: новое правительство не собирается давать ей никакой поправки, при все еще действующем поста-

новлении 1946 г. «всяческое обращение от ее имени будет для Льва не только бесполезным, но и губительным. Значит, надо действовать кружным путем» [Герштейн, 1998, с. 317–318]. Впоследствии напрямую к правительству Ахматова не обращалась.

²⁷ Ср. последнее сообщение агента КГБ об Ахматовой (23 ноября 1958 г., уже после закрытия ахматовского дела в 1956 г.): «...О правительстве Хрущева отзывается положительно, считая его милосердным и справедливым...» [Калугин, 1994, с. 79]. Такое отношение к Хрущеву Ахматова высказывала не только, когда оно могло дойти до властей. После того, как стало известно содержание доклада Хрущева на XX съезде, навесившая Ахматову Чуковская записала ее речь [Чуковская, 1997, т. 2, с. 188–192. Запись от 4 марта 1956 г.]. «Она говорила тихим голосом, но как будто не для меня одной, а с трибуны.

– Сталин – самый великий палач, какого знала история. <...> Мы и раньше насчет него не имели иллюзий, не правда ли? а теперь получили документальное подтверждение наших догадок. <...> Теперь выяснилось, что лично товарищ Сталин указывал, кого бить и как бить. <...>

Фадеев послал письмо о Леве. Радость – но даже и эта радость тонет в лучах хрущевской речи.

– <...> Теперь арестанты вернутся, и две России глянут друг другу в глаза: та, что сажала, и та, которую посадили. Началась новая эпоха. И мы с вами до нее дожили» [Там же, с. 188–190]. «В мае 1957 г. первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев подтвердил, что “в решениях партии по идеологическим вопросам определены важнейшие задачи и основные принципы политики партии в области культуры и искусства, сохраняющие свою силу в настоящее время”, а в редакционной статье, напечатанной в “Литературной газете” 15 августа 1957 г., прямо указывалось, что “постановление ЦК партии о журналах “Звезда” и “Ленинград” <...> продолжает оставаться направляющим для наших литературно-художественных журналов» [Черных, 2016, с. 15–16]. В октябре 1961 г. состоялся XXII съезд КПСС, после которого «в отделе культуры ЦК стали поговаривать об отмене постановления о “Звезде” и “Ленинграде”. И. С. Черноуцан <...> подготовил проект отмены постановления» [Тименчик, 2015, т. 1, с. 246]. В ноябре 1962 г. Хрущев сказал Твардовскому, что постановление 1946 г. «можно игнорировать» [Чуковская, 1997, т. 2, с. 552. Запись от 16 ноября 1962 г.]. Запись Глэкина от 16 декабря 1962 г.: «Ан. Андр. сказала, что пресловутое постановление 46 года отменять не будут... “Но мне это все равно. Я понимаю. Им это (ее стихи. – Г. Г.) не нравится, а они хозяева положения. Мое отношение к Хрущеву это никак не изменит. Я – партии Хрущева...”» [Глэкин, 2015, с. 204]. Постановление было отменено только в 1988 г., перед столетием со дня рождения Ахматовой. Неотступное внимание Ахматовой к происходившим в стране событиям, к выступлениям и поступкам Хрущева нашло отражение в дневниках и воспоминаниях людей ее круга. Н. Н. Глен вспоминала: «Я помню, как пришла к Анне Андреевне и застала ее очень взволнованной. И она, как это в некоторых случаях делалось, на бумажке написала: “Новочеркасск. Слышали?” А потом бумажку сожгла. Об этих кровавых событиях тогда в печати не было ни звука» [Подвал..., 1996, с. 6]. Речь шла о событиях лета 1962 г.: о протестах и расстреле рабочих Новочеркаска, «возмущенных нехваткой мяса и картошки (“Хрущева на мясо”, – писали мелом на тепловозе) и вообще условиями жизни. Инженер, написавший анонимное письмо с описанием события К. Г. Паустовскому, был за это письмо присужден к 7 годам заключения за антисоветскую деятельность» [Тименчик, т. 1, с. 275]. «Лев Николаевич вышел из лагеря с последней волной “реабилитации”. Анна Андреевна стала о себе говорить: “Я хрущевка. Я из партии Хрущева”. Долго она продолжала это твердить, настаивая, что Хрущеву можно простить многое за то, что он выпустил из тюрьмы невинных людей. Пожалуй, только процесс Иосифа Бродского оборвал ее симпатии к Хрущеву» (Роскина Н. «Как будто прощаюсь снова...» // [Воспоминания..., с. 534]). 14–15 октября 1964 г. Хрущев был смещен со всех постов. Ахматова отметила в дневнике: «15 окт<ября> / Каков день! Мы ехали по Кировскому <мосту> с Толей. Я сказала: “Посмотрите направо, над крепостью”.

«Объяснения», части 3 и 4:

Я передала письмо в пропускной, а когда вернулась на Ордынку, узнала, что Фадеев уже звонил Ахматовой и пригласил к себе в больницу²⁸.

Результатом этого визита было известное письмо Фадеева в Главную военную прокуратуру СССР от 2 марта 1956 года (напечатано в «Новом мире», 1961 г., № 12)²⁹.

А там вместо солнца шел по небу огромный багровый столп. <...> сказала (Т<оля> в ужасе спросил: “Что это?”): “Наш народ называет это – небесное знаменье”. Кроме того, что сегодня день рождения Лермонтова, сегодня же и *coup d’Etat*. Посмотрим?» [Записные книжки..., 1996, с. 493] («*Coup d’Etat*» (фр.) – переворот). О том же см.: [Найман, 1989, с. 209]. 7 ноября 1964 г. Чуковская записала слова Ахматовой: «Расстались при Хрущеве, встречаемся при Брежневе. Бег времени! Правительство-то новое, да новая ли эпоха?» [Чуковская, 1997, т. 3, с. 240]. Свидетельство Евгения Евтушенко об общении Ахматовой и Хрущева (якобы на «очередном съезде писателей», сидя на сцене в президиуме, Хрущев и Ахматова разговаривали) не соответствует реальности [Евтушенко, 2014, с. 806]. Ахматова действительно была в президиуме на одном из писательских съездов: это был Второй съезд писателей РСФСР, состоявшийся 3–7 марта 1965 г. Но в это время Хрущев уже находился на пенсии и на съезде не присутствовал (об этом – в докладе Р. Д. Тименчика о надежности источниковедческой базы ахматовских штудий, двенадцатое заседание Ахматовского онлайн-семинара, 28 июля 2022 г., Пушкинский Дом). Ахматова была также делегатом на Втором Всесоюзном съезде советских писателей, проходившем 15–26 декабря 1954 г. Хрущев вместе с Политбюро присутствовал на его открытии, но общаться с ним она возможности не имела.

²⁸ В беседе с Р. А. Рубинштейном и И. М. Басалаевым Ахматова сказала (или так запомнил Басалаев), что была у Фадеева «два раза, когда он лежал в Кремлевской больнице. Привозила все документы, и от Артамонова и от... (ученые, профессора, знавшие Л. Н. Гумилева как молодого ученого), мы с ним говорили, он обещал сделать, что мог...» [Басалаев, 1998, с. 578. Запись от 26 декабря 1961 г.]. В коммент. к публ.: «В машинописной копии этого текста, снятой Э. Герштейн, имеется ее примечание к этим словам Ахматовой: “А мне кажется, один раз. Э. Г.”» [Там же, с. 592].

²⁹ Текст письма Фадеева: «В Главную военную прокуратуру // 2 марта 1956 года / Направляю Вам письмо поэта Ахматовой Анны Андреевны по делу ее сына Льва Николаевича Гумилева и прошу ускорить рассмотрение его дела. Я не знал и не знаю Л. Н. Гумилева, но считаю, что ускорить рассмотрение его дела необходимо, поскольку в справедливости его изоляции сомневаются известные круги научной и писательской интеллигенции. Сам он (согласно имеющимся в деле и дополнительно прилагаемым здесь документам крупных советских деятелей науки) является серьезным ученым и притом в той области, которая сейчас, при наших связях со странами Азии, нам особенно нужна: он – историк-востоковед. / Его мать – А. А. Ахматова – после известного постановления ЦК о журналах “Звезда” и “Ленинград” проявила себя как хороший советский патриот: дала решительный отпор всем попыткам западной печати использовать ее имя, и выступила в наших журналах с советскими патриотическими стихами. Она является в настоящее время высокохудожественной переводчицей лучших произведений поэзии наших братских республик, а также Запада и Востока. Патриотическое и мужественное поведение старого крупного поэта, после столь сурового постановления, вызвало глубокое уважение к ней в писательской среде, и А. Ахматова была делегатом на 2-м Всесоюзном съезде советских писателей. / При разбирательстве дела Л. Н. Гумилева необходимо также учесть, что (несмотря на то, что ему было всего 9 лет, когда его отца Н. Гумилева уже не стало) он, Лев Гумилев, как сын Н. Гумилева и А. Ахматовой всегда мог представить “удобный”

4.

Анне Андреевне было немного неудобно, что она обращалась и к Суркову, и к Фадееву, но последний, услышав от нее об этом, очень добродушно ответил, что, мол, тем лучше, один подкрепит другого.

Одновременно с Фадеевым в Кремлевской больнице лежал также С. Я. Маршак³⁰. Они беседовали втроем. Анна Андреевна вспомнила, как она лежала в больнице. И даже изобразила, как больная из другой палаты, не заставая Анну Андреевну на месте, показывала пальцем на ее пустую койку и спрашивала:

материал для всех карьеристских и враждебных элементов для возведения на него любых обвинений. / Думаю, что есть полная возможность разобраться в его деле объективно. / Депутат Верховного Совета СССР писатель А. Фадеев». Письмо было опубликовано еще при жизни Ахматовой: [Фадеев, 1961, с. 195] (приводится по этой публ.). «Этот документ впервые печатно осветил основной фон ахматовской жизни предыдущих десятилетий» ([Тименчик, 2015, т. 1, 252]; о Фадееве см. и мн. др. страницы двухтомника). Ахматова записала в дневнике: «26 дек<абра> вчера вечером Ром<ан> Ал<ьбертович> (Рубинштейн, муж И. Н. Пуниной. – О. Р.) привез мне 12-ый номер “Нового мира”. Там письмо Фадеева в Верх<овную> Воен<ную> Прокуратуру по поводу моих хлопот о Леве» [Записные книжки..., 1996, с. 199; см. также с. 196, 212]. Свидетельство о том, каким потрясением для Ахматовой стало чтение этого письма: [Басалаев, 1998, с. 577–578]. Очевидно, ходатайство Фадеева способствовало процессу ускорения, поскольку через несколько дней, 10 марта 1956 г., Ахматова написала ему такое письмо: «Дорогой Александр Александрович! / Сейчас я узнала, что дело моего сына рассматривается в понедельник (12 марта). Трудно себе представить, какое это для меня потрясение. / Вы были так добры, так отзывчивы, как никто в эти страшные годы. Я умоляю Вас, если еще можно чем-нибудь помочь, сделайте это (позвонить, написать). / Мне кажется, что я семь лет стою над открытой могилой, где корчится мой, еще живой сын. Простите меня. / Ахматова» (Первая публ.: [Дикушина, 1993, с. 6]. Приводится по этой публ.). По всей видимости, письмо было передано Фадееву в больницу Ниной Ольшевской, у которой Ахматова в это время жила. «13 марта 1956 г. она передала Фадееву свою записку: “Дорогой Сашенька! / Я очень огорчаюсь, что тогда в воскресенье не могла к тебе попасть, а теперь и вовсе неизвестно, когда увидимся из-за карантина. Как твоё здоровье? Говорят, ты простудился. / Пишу я тебе потому, что Анна Андреевна хочет, чтобы ты знал, что дело вчера не разбиралось, потому что болен Руденко. А он сам будет решать это дело; вероятно, к следующему понедельнику будет здоров (дела в Прокуратуре СССР разбираются по понедельникам). Так сказали в приемной Главной Военной Прокуратуры лицу, которое постоянно справляется об этом деле. / Рада была слышать твой голос, рада, что ты поправляешься, рада, что ты работаешь, и все мы очень ждем тебя и твою новую книгу. / Целую тебя нежно и люблю. Витя целует”» [Фадеев, 2001, с. 586]. «Лицо, которое постоянно справляется об этом деле» – Герштейн. Она вспоминает: «В следующий раз, когда я пришла в Прокуратуру, я узнала, что Руденко, Генеральный Прокурор, уехал на процесс в Баку и нужно дождаться его возвращения. И только 9 мая мне сообщили в Прокуратуре, что протест Руденко уже ушел в Военную Коллегию Верховного Суда СССР и недели через две надо будет начать справляться там. Я немедленно написала об этом Леве, но авиаоткрытка пришла обратно с надписью: “адресат вы-был 14 мая”» [Герштейн, 1989, с. 63].

³⁰ В 1955 г. Фадеев «просил Булганина прикрепить к кремлевской больнице Маршака, оставшегося без родных» [Авченко, 2017, с. 253]: в 1953 г. умерли жена Маршака Софья Михайловна и его брат, писатель и инженер-химик Илья Яковлевич Маршак (псевдоним М. Ильин). О дружбе Ахматовой с Маршаком см., например, в статье: [«Ваша осинка...», 2022, с. 96–97].

«А что, та бабка уже умерла?»³¹ «Им было неудобно надо мной смеяться, – рассказывала мне Анна Андреевна, – да еще когда я пришла по такому делу, но им было ужасно смешно, и во время разговора то один, то другой – вспомнит и тихонько прыснет».

Э. Герштейн³²

ноябрь
1970

На этом «Объяснения» Герштейн к сохраненному ею блоку документов кончаются. Позволю себе немного их дополнить.

Вскоре Ахматова послала Фадееву издание «Корейской классической поэзии» с дарственной надписью: «Александру Александровичу / Фадееву / большому писателю / и / доброму Человеку / А. Ахматова / 13 апреля 1956 / Москва»³³. 27 апреля Фадеев ответил благодарственным письмом: «...Переводы – выше всяких похвал...»³⁴. 13 мая Фадеев застрелился³⁵.

³¹ О том же: [Чуковская, 1997, т. 2, с. 171]. Речь идет о московской 2-й Градской больнице, куда Ахматова попала по поводу аппендицита 23 декабря 1955 г.

³² Подпись и дата проставлены Герштейн от руки.

³³ Корейская классическая поэзия / Пер. А. Ахматовой; общ. ред., предисл. и примеч. А. А. Холодовича. М.: Гослитиздат, 1956. Дарственная надпись приводится по скану оригинала в изд.: [Анна Ахматова, 2016, с. 149].

³⁴ Цит. по: [Фадеев, 1971, т. 7, с. 569].

³⁵ Накануне самоубийства Фадеева его навещал друживший с ним с юности писатель Ю. Н. Либединский с женой; см. воспоминания о состоянии и мыслях Фадеева в этот день: [Либединский, 2000, с. 246–251; Либединская, 2011, с. 351–356]. «Он был измучен, взвинчен, расстроен, порою какая-то звериная тоска слышалась в его словах. Мы чувствовали, что ему плохо, что, говоря об ошибках прошлого, он не складывает с себя ответственности, что он мучается и напряженно думает, как исправить ошибки, в которых он был и не был виноват, потому что обусловлены они пережитым нами временем» [Либединская, 2011, с. 355]. «В официальном сообщении от имени ЦК КПСС, появившемся 15 мая 1956 года в “Правде”, самоубийство Фадеева объяснялось просто-напросто запоями: “...в последние годы А. А. Фадеев страдал тяжелым прогрессирующим недугом – алкоголизмом...” Что же касается до предсмертного письма, адресованного Фадеевым в ЦК и объяснявшего истинные причины самоубийства, – то самое его существование в течение 34-х лет замалчивалось или даже отрицалось» [Чуковская, 1997, т. 2, с. 661]. Предсмертное письмо Фадеева: «Не вижу возможности дальше жить, так как искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии, и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы – в числе, которое даже не снилось царским сатрапам, физически истреблены или погибли благодаря преступному попустительству власти имущих; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; все остальное, мало-мальски способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув 40–50 лет. / Литература – это святая святых – отдана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа, и с самых “высоких” трибун – таких, как Московская конференция или XX-й партсъезд, – раздался новый лозунг “Ату ее!” Тот путь, которым собираются “исправить” положение, вызывает возмущение: собрана группа невежд, за исключением немногих честных людей, находящихся в состоянии такой же затравленности и потому не могущих сказать правду, – и выводы, глубоко антиленинские, ибо исходят из бюрократических привычек, сопровождаются угрозой все той же “дубинкой”. / С каким чувством свободы и открытости мира входило мое поколение в литературу при Ленине, какие силы

«По протесту Генерального Прокурора СССР определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 2 июня 1956 г. постановление Особого совещания при МГБ СССР от 13 сентября 1950 г. в отношении ГУМИЛЕВА Льва Николаевича отменено и дело на него за отсутствием состава преступления прекращено», – сообщалось Ахматовой в извещении, посланном на адрес Герштейн 30 июля 1956 г.³⁶ Этот важный документ несколько запоздал: Гумилев был освобожден 11 мая 1956 г. ревизионной комиссией в Омске, занимавшейся ускоренным пере-

необъятные были в душе и какие прекрасные произведения мы создавали и еще могли бы создать! / Нас после смерти Ленина низвели до положения мальчишек, уничтожали, идеологически пугали и называли это – “партийностью”. И теперь, когда все можно было бы исправить, сказала примитивность, невежественность – при возмутительной дозе самоуверенности – тех, кто должен был бы все это исправить. Литература отдана во власть людей неталантливых, мелких, злопамятных. Единицы тех, кто сохранил в душе священный огонь, находятся в положении париев и – по возрасту своему – скоро умрут. И нет никакого уже стимула в душе, чтобы творить... / Созданный для большого творчества во имя коммунизма, с шестнадцати лет связанный с партией, с рабочими и крестьянами, наделенный богом талантом незаурядным, я был полон самых высоких мыслей и чувств, какие только может породить жизнь народа, соединенная с прекрасными идеалами коммунизма. / Но меня превратили в лошадь ломового извоза, всю жизнь я плелся под кладью бездарных, неоправданных, могущих быть выполненными любым человеком, неисчислимых бюрократических дел. И даже сейчас, когда подводишь итог жизни своей, невыносимо вспоминать все то количество окриков, внушений, поучений и просто идеологических пороков, которые обрушились на меня, – кем наш чудесный народ вправе был бы гордиться в силу подлинности и скромности внутренней глубоко коммунистического таланта моего. Литература – это высший плод нового строя – унижена, затравлена, загублена. Самодовольство нуворишей от великого ленинского учения даже тогда, когда они клянутся им, этим учением, привело к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать еще худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот был хоть образован, а эти – невежды. / Жизнь моя, как писателя, теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушивается подлость, ложь и клевета, уйду из этой жизни. / Последняя надежда была хоть сказать это людям, которые правят государством, но в течение уже 3-х лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять. / Прошу похоронить меня рядом с матерью моей. / 13/V 56. А. Фадеев» (Впервые: [Предсмертное письмо..., 1990, с. 6]. Текст дан по этой публ., с учетом двух воспроизведенных страниц рукописи). «В апреле – мае 1956-го Фадеев не пил (о чем существует множество свидетельств), но в депрессию вошел, пытаюсь выйти из нее самостоятельно. Хрущев его не любил – а Фадееву необходима была *любовь* (“я знаю, меня любил Иосиф Виссарионович”). Нелюбовь Хрущева сказала и в том, что после правительственного некролога в центральных газетах было помещено недвусмысленно свидетельствующее об алкоголизме как унизительной причине самоубийства медицинское заключение» [Иванова, 1998, с. 199]. Запись Чуковской от 1 июня 1956 г.: «Вчера Анна Андреевна была у меня. <...> Речь шла о самоубийстве Фадеева. О неприличии официального сообщения. О том, узнаем ли мы когда-нибудь, какова была истинная причина самоубийства? Об оставленном им письме. Получим ли его когда-нибудь мы – современники, адресаты?

– Фадеевская легенда растет, – сказала Анна Андреевна. – А тут нужна не легенда. Срочный опрос свидетелей. Подлинные документы. Протоколы. Настоящее следствие по свежим следам. Знаем мы, как потом наврут в мемуарах. <...>

– Я Фадеева не имею права судить, – сказала Анна Андреевна. – Он пытался помочь мне освободить Леву» [Чуковская, 1997, т. 2, с. 209–210].

³⁶ [Герштейн, 1989б, с. 64].

смотром дел политических заключенных, находившихся в омском лагере³⁷. 15 мая мать и сын встретились³⁸.

Список литературы

- Авченко В. О. Фадеев. М.: Молодая гвардия, 2017. 366 с. (ЖЗЛ)
- Алпатов В. М. Филологи и революция // НЛЮ. 2002. № 53. С. 199–216.
- Анна Ахматова. Материалы из собрания Гос. лит. музея: Альбом-каталог / Авт.-сост. О. Л. Залиева. М., 2016. 200 с.
- Аннинский Л. А. Алексей Сурков: «...В нарезном стволе» // Аннинский Л. А. Красный век: Эпоха и ее поэты: В 2 кн. М.: ПрозаиК, 2009. Кн. 1. С. 363–376.
- Ахматова А. Автобиографическая проза / Вступ. ст., публ., подгот. текста, примеч. Р. Д. Тименчика, В. А. Черных // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 3–17.
- Ахматова А. А. Соч.: В 2 т. / Вступ. ст. Н. Скатова, сост., подгот. текста и примеч. М. М. Кралина. М.: Правда, 1990. Т. 2. 432 с. (Б-ка «Огонек»)
- Ахматова А. А. «Отчаяние меня разрушает...» (Письмо Ахматовой Ворошилову и ответ Генерального прокурора Руденко) / Вступ. заметка А. Воронцова; публ. А. И. Кокурина // Шпион = Spy. 1994. № 3 (5). С. 22.
- Басалаев И. Записи бесед с Ахматовой (1961–1963) / Публ. Е. М. Царенковой, примеч. И. Колосова, Н. Крайневой // Минувшее: Исторический альманах. СПб.: Atheneum; Феникс, 1998. № 23. С. 561–593.
- Беляков С. С. Гумилев сын Гумилева. М.: АСТ, 2013. 797 с.
- Варава Б. Н. Еще раз об автографах Анны Ахматовой // Про книги. Журнал библиофила. М., 2014. С. 23–32.
- «Ваша осинка трепещет под моим окном...». Переписка Анны Ахматовой и Марии Петровых / Публ. писем и телеграмм Ахматовой А. И. Головкиной,

³⁷ «По решению XX съезда на места выехали (или были там же созданы, я не знаю) специальные, так называемые “микояновские” комиссии, чтобы ускорить возвращение домой заключенных, ожидающих реабилитации. Такая комиссия <...> отпустила и реабилитировала Л. Н. Гумилева. 15 мая он был уже в Москве и вскоре уехал в Ленинград. А заседание Верховного Суда, своим чередом отменившее приговор Л. Гумилеву, состоялось через три недели. Об этом мы узнали из официального извещения, присланного Ахматовой на мой адрес» [Герштейн, 1989б, с. 63]. О том же – [Герштейн, 1998, с. 338–339]. Ср. также свидетельство Гумилева: «В 56-м году, после XX съезда, о котором я вспоминаю с великой благодарностью, приехала комиссия, которая обследовала всех заключенных (кто за что сидит), и комиссия единогласно вынесла мне “освобождение с полной реабилитацией”. Этому помогло то, что профессор Артамонов, профессор Окладников, академик Струве, академик Конрад написали по поводу меня положительные характеристики» (Гумилев Л. Автонекролог // [Гумилев, 2003, с. 24]). О комиссиях «на местах» – на уровне республик и областей, а также в больших лагерных комплексах см.: *Эли М. Невозможная реабилитация. Ревизионные комиссии 1956 г. и неопределенности «оттепели»* / Пер. Я. Завацкой // Сайт «Варлам Шаламов». URL: <https://shalamov.ru/research/61/17.html> (дата обращения 11.02.2023).

³⁸ О встрече матери и сына в доме Ардовых см.: [Беляков, 2013, с. 298–299] (в главе «Невстреча»). В памяти Ахматовой возвращение сына из лагеря и гибель Фадеева остались тесно связаны: «Приезд его в Москву – 15 мая. Самоубийство Фадеева», – отметила она в автобиографических записях в 1965 г. [Записные книжки..., 1996, с. 666].

вступ. ст., подгот. текстов и коммент. О. Е. Рубинчик // Русская литература. 2022. № 1. С. 114–115.

Виленкин В. Я. Воспоминания с комментариями. М.: Искусство, 1991. 495 с.

Военная юстиция в России: история и современность / Под ред. В. В. Ершова, В. В. Хомчика. М.: РГУП, 2017. 562 с.

Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Я. Виленкин, В. А. Черных; коммент. А. В. Курт, К. М. Поливанова. М.: Сов. писатель, 1991. 720 с.

Герштейн Э. Г. Из воспоминаний. Письма Анны Ахматовой // Вопросы литературы. 1989а. № 6. С. 248–270.

Герштейн Э. Г. Мемуары и факты (об освобождении Льва Гумилева) // Горизонт. 1989б. № 6. С. 55–65.

Герштейн Э. Г. Мемуары. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. 528 с.

Глэкин Г. В. Что мне дано было... Об Анне Ахматовой / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Н. Г. Гончаровой. М.: Азбуковник, 2015. 304 с.

Гумилев Л. Автобиография. Воспоминания о родителях. Автонекролог. Лавров С. Лев Гумилев: Судьба и идеи. Воспоминания. М.: Айрис-пресс, 2003. 608 с.

Гюго В. Избранные драмы: В 2 т. Л.: Гослитиздат, 1937. Т. 1 / Под ред. А. А. Смирнова; вступ. ст. С. С. Мокульского. 404 с.

Гюго В. Марьон Делорм / Пер. А. Ахматовой; коммент. С. Брахман // Гюго В. Собр. соч.: В 15 т. М.: Гослитиздат, 1953. Т. 3 / Под ред. В. Н. Николаева, А. И. Пузикова, М. С. Трескунова. С. 5–166.

Далош Д. Гость из будущего. Анна Ахматова и сэр Исая Берлин. М.: Текст, 2010. 219 с.

Дикушина Н. «Не вижу возможности дальше жить...». Вокруг предсмертного письма Александра Фадеева // Литературная газета. 1993. № 21 (25449), 6 мая. С. 6.

Дикушина Н. И. Александр Фадеев в публикациях и критике последних лет // Творчество и судьба Александра Фадеева. Статьи, эссе, воспоминания. Архивные материалы. Страницы летописи. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 76–88.

Друян Б. Том агатовый: В 2 ч. 15.10.2013. Ч. 2. // Сайт «Союз журналистов Санкт-Петербурга и Ленинградской области». URL: <https://spbsj.ru/articles/tom-aghatovuyi-2?ysclid=lbtgz19iva780344504> (дата обращения 10.02.2023).

Евтушенко Е. Анна Ахматова (Горенко) // Поэт в России – больше, чем поэт. Десять веков русской поэзии Антология: В 5 т. / Авт.-сост. Е. Евтушенко. Т. 3. М.: Русский Мир, 2014. С. 806–843.

Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой; вступ. ст. Э. Г. Герштейн; науч. консульт., ввод. заметки, указатели В. А. Черных. М.: Тогіно, 1996. 849 с.

Зенкевич М. А. Сказочная эра: Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. М.: Школа-Пресс, 1994. 688 с.

Иванова Н. Личное дело Александра Фадеева // Знамя. 1998. № 10. С. 188–203.

Каверин В. А. Эпилог. М.: Московский рабочий, 1989. 571 с.

Казакевич Э. Г. Слушая время. Дневники. Записные книжки. Письма. М.: Сов. писатель, 1990. 525 с.

Калугин О. Дело КГБ на Анну Ахматову // Госбезопасность и литература на опыте России и Германии (СССР и ГДР). М.: Рудомино, 1994. С. 72–79.

- Конрад Н. И.* Неопубликованные работы. Письма / Сост. М. Ю. Сорокиной, А. О. Тамазишвили; предисл. В. М. Алпатова. М.: РОССПЭН, 1996. 543 с.
- Либединский Ю.* О Фадееве // Вопросы литературы. 2000. Май – июнь. С. 236–252.
- Либединская Л. Б.* Зеленая лампа. М.: АСТ, Астрель, 2011. 475 с.
- Мандельштам Н. Я.* Вторая книга. М.: Олимп; Астрель; АСТ, 2001. 512 с.
- Найман А. Г.* Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Худож. лит., 1989. 300 с.
- Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Н. Лукницкого / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН; отв. ред. А. И. Павловский, вступ. ст. Т. М. Двинятиной, подгот. Т. М. Двинятиной и др. СПб.: Наука, 2005. 343 с.
- Огрызко В.* Как Ахматову восстанавливали в Союзе писателей // Литературная Россия. 2015. № 37 (2720), 23 окт. С. 3.
- Огрызко В.* Трагедия продолжилась. Рассекреченные документы об Анне Ахматовой // Литературная Россия. 2017. № 28 (2803), 4–24 авг. С. 4.
- Пант С.* Избранные стихи / Пер. с хинди А. Ахматовой, А. Арго, Н. Гусевой и др.; [предисл., ред. и сост. Е. Чельшева]. М.: Иностран. лит., 1959. 118 с.
- Пастернак Е. Б.* Борис Пастернак. Биография. М., 1997. 726 с.
- Пастернак Е. Б.* Борис Пастернак (Материалы для биографии). М.: Сов. писатель, 1989. 688 с.
- Петров И.* К 100-летию со дня рождения выдающегося военного юриста генерал-лейтенанта юстиции С. К. Занчевского // Красная звезда. 2018. 11 июля.
- Подвал памяти. Ахматовские дневники Лидии Чуковской [Интервью Н. Ивановой-Гладильщиковой с Н. Н. Глен] // Литературная газета. 1996. № 47, 20 нояб. С. 6.
- Предсмертное письмо Александра Фадеева // Гласность. 1990. № 15, 20 сент. С. 6.
- Сеславинский М. В.* Библиофильский венок Анне Ахматовой // Про книги. Журнал библиофила. М., 2014. С. 4–21.
- Соболев А. Л.* «Постояла в золотой пыли»: пенсионное дело Анны Ахматовой // Соболев А. Л. Тургенев и тигры. Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XX века. М., 2017. С. 198–234.
- Сорокина М. Ю.* Николай Конрад: жизнь между Западом и Востоком // Трагические судьбы: репрессированные ученые Академии наук СССР. М.: Наука, 1995. С. 128–143.
- Тагор Р.* Соч.: В 8 т. / Под ред. В. Новиковой. М.: Гослитиздат, 1955–1957.
- Тагор Р.* Собр. соч.: В 12 т. / Под ред. Е. Быковой, А. Гнатюка-Данильчука, В. Новиковой. М.: Гослитиздат, 1961–1965.
- Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы: В 2 т. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2015.
- Томашевская З. Б.* «Я – как петербургская тумба» // Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. М. М. Кралин. Л.: Лениздат, 1990. С. 417–438.
- Фадеев А. А.* Из переписки (К 60-летию со дня рождения) / Публ. и коммент. С. Преображенского // Новый мир. 1961. № 12. С. 190–199.
- Фадеев А. А.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Худож. лит., 1971.

Фадеев А. А. Письма и документы / Сост., вступ. ст. и коммент. Н. И. Дикушиной. М.: Лит. ин-т им. А. М. Горького, 2001. 358 с.

Хренков Д. Т. Анна Ахматова в Петербурге – Петрограде – Ленинграде. Л.: Лениздат, 1989. 220 с.

Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. М.: Азбуковник, 2016. 944 с.

Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. / Изд. подгот. Е. Ц. Чуковской и Ж. О. Хавкиной при участии Е. Б. Ефимова. М., 1997.

Чуковский К. И. Дневник. 1930–1969 / Сост., подгот. текста, коммент. Е. Ц. Чуковской. М.: Современный писатель, 1994. 558 с.

Шапорина Л. В. Дневник: В 2 т. / Вступ. ст. В. Н. Сажина; подгот. текста и коммент. В. Ф. Петровой, В. Н. Сажина. М., 2012.

Эвентов И. С. Давние встречи: Воспоминания и очерки. Л.: Сов. писатель, 1991. 381 с.

XX съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стенографический отчет: В 2 т. М.: Госполитиздат, 1956.

References

Akhmatova A. A. “Otchayanie menya razrushaet...” (Pis'mo Ahmatovoy Voroshilovu i otvet General'nogo prokurora Rudenko) [“Desperation is destroying me...” (Akhmatova’s letter to Voroshilov and the response of the Prosecutor General Rudenko)]. Entry. note by A. Vorontsov; publ. by A. I. Kokurin. *Shpion = Spy*, 1994, no. 3 (5), p. 22. (in Russ.)

Akhmatova A. A. Works. In 2 vols. Intr. art. by N. Skatov, comp., prepared. text and notes by M. M. Kralin. Moscow, Pravda, 1990, vol. 2, 432 p. (in Russ.)

Akhmatova A. Avtobiograficheskaya proza [Autobiographical prose]. Intr. art., publ., prepared text, notes by R. D. Timenchik, V. A. Chernykh. *Literaturnoe obozrenie*, 1989, no. 5, pp. 3–17. (in Russ.)

Alpatov V. M. Filologi i revolyutsiya [Philologists and revolution]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2002, no. 53, pp. 199–216. (in Russ.)

Anna Akhmatova. Materialy iz sobraniya Gos. lit. muzeya: Al'bom-katalog [Materials from the collection of the State. lit. Museum: Album-catalog]. Ed. and comp. by O. L. Zalieva. Moscow, 2016, 200 p. (in Russ.)

Anninsky L. A. Aleksei Surkov: “...V nareznom stvole” [Alexei Surkov: “...In a rifled barrel”]. In: Anninsky L. A. Krasnyi vek: Epokha i ee poety. In 2 books. Moscow, Prozaik, 2009, book 1, pp. 363–376. (in Russ.)

Avchenko V. O. Fadeev. Moscow, Molodaya gvardiya, 2017, 366 p. (in Russ.)

Basalaev I. Zapisi besed s Akhmatovoi (1961–1963). [Recordings of conversations with Akhmatova (1961–1963)]. Publ. by E. M. Tsarenkova, comment. by I. Kolosov, N. Kraineva. In: Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. St. Petersburg, Atheneum, Feniks, 1998, no. 23, pp. 561–593. (in Russ.)

Belyakov S. S. Gumilev syn Gumileva [Gumilyov son of Gumilyov]. Moscow, AST, 2013, 797 p. (in Russ.)

Chernykh V. A. Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoi. 1889–1966 [Chronicle of the life and work of Anna Akhmatova. 1889–1966]. Moscow, Azbukovnik, 2016, 944 p. (in Russ.)

Chukovskaya L. K. Zapiski ob Anne Akhmatovoi [Notes about Anna Akhmatova]. In 3 vols. Ed., prepared by E. Ts. Chukovskaya and Zh. O. Khavkina with the participation of E. B. Efimov. Moscow, 1997. (in Russ.)

Chukovsky K. I. Dnevnik [Diary]. In 2 vols. Comp., prep. text, comments by E. Ts. Chukovskaya. Moscow, *Sovremennyyi pisatel'*, 1994, vol. 1: 1930–1969, 558 p. (in Russ.)

Dalosh D. Gost' iz budushhego. Anna Akhmatova i sier Isaiya Berlin [Guest from the future. Anna Akhmatova and Sir Isaiah Berlin]. Moscow, *Tekst*, 2010, 219 p. (in Russ.)

Dikushina N. “Ne vizhu vozmozhnosti dal'she zhit'...”. Vokrug predsmertnogo pis'ma Aleksandra Fadeeva [“I don't see the possibility to continue to live...”. Around the suicide letter of Alexander Fadeev]. *Literaturnaya gazeta*, 1993, no. 21 (25449), May 6, p. 6. (in Russ.)

Dikushina N. I. Aleksandr Fadeev v publikatsiyakh i kritike poslednikh let [Aleksandr Fadeev in publications and criticism of recent years]. In: *Tvorchestvo i sud'ba Aleksandra Fadeeva. Stat'i, esse, vospominaniya*. Arkhivnye materialy. Stranitsy letopisi. Moscow, IWL RAS, 2004, pp. 76–88. (in Russ.)

Eventov I. S. Davnie vstrechi: Vospominaniya i ocherki [Old Encounters: Memoirs and Essays]. Leningrad, *Sov. pisatel'*, 1991, 381 p. (in Russ.)

Evtushenko E. Anna Akhmatova (Gorenko). In: *Poet v Rossii – bol'she, chem poet. Desyat' vekov russkoi poezii Antologiya*. In 5 vols. Comp. by E. Evtushenko. Moscow, *Russkii Mir*, 2014, vol. 3, pp. 806–843. (in Russ.)

Fadeev A. A. Iz perepiski (K 60-letiyu so dnya rozhdeniya) [From Correspondence (To the 60th Anniversary of Birth)]. Publ. and comment. by S. Preobrazhensky. *Novyi mir*, 1961, no. 12, pp. 190–199. (in Russ.)

Fadeev A. A. Pis'ma i dokumenty [Letters and documents]. Comp., entry. art. and comment. by N. I. Dikushina. Moscow, *Lit. in-t im. A. M. Gor'kogo*, 2001, 358 p. (in Russ.)

Fadeev A. A. Collected works. In 7 vols. Moscow, *Khud. liter.*, 1971. (in Russ.)

Gershtein E. G. Iz vospominanii. Pis'ma Anny Akhmatovoi [From memories. Anna Akhmatova's letters]. *Voprosy literatury*, 1989, no. 6, pp. 248–270. (in Russ.)

Gershtein E. G. Memuary [Memoirs]. St. Petersburg, *INAPRESS*, 1998, 528 p. (in Russ.)

Gershtein E. G. Memuary i fakty (ob osvobozhdenii L'va Gumileva) [Memoirs and facts (on the release of Lev Gumilyov)]. *Gorizont*, 1989, no. 6, pp. 55–65. (in Russ.)

Glyokin G. V. Chto mne dano bylo... Ob Anne Akhmatovoi [What was given to me... About Anna Akhmatova]. Comp., prep. text, enter. art., comment. by N. G. Goncharova. Moscow, *Azbukovnik*, 2015, 304 p. (in Russ.)

Gumilev L. Avtobiografiya. Vospominaniya o roditelyakh. Avtonekrolog. Lavrov S. Lev Gumilev: Sud'ba i idei. Vospominaniya [Autobiography. Memories of parents. Auto obituary. Lavrov S. Lev Gumilyov: Fate and Ideas. Memories]. Moscow, *Airis-press*, 2003, 608 p. (in Russ.)

Hugo V. Izbrannye dramy [Selected Dramas]. In 2 vols. Leningrad, *Goslitizdat*, 1937, vol. 1. Ed. by A. A. Smirnov, intr. art. by S. S. Mokulsky, 404 p. (in Russ.)

Hugo V. Mar'on Delorm [Marien delorme]. Per. by A. Akhmatova; comments by S. Brakhman. In: *Hugo V. Collected Works*. In 15 vols. Moscow, *Goslitizdat*, 1953, vol. 3, pp. 5–166. (in Russ.)

- Ivanova N. Lichnoe delo Aleksandra Fadeeva [Personal file of Alexander Fadeev]. *Znamya*, 1998, no. 10, pp. 188–203. (in Russ.)
- Kalugin O. Delo KGB na Annu Akhmatovu [The KGB case against Anna Akhmatova]. In: Gosbezopasnost' i literatura na opyte Rossii i Germanii (SSSR i GDR). Moscow, Rudomino, 1994, pp. 72–79. (in Russ.)
- Kaverin V. A. Epilog [Epilogue]. Moscow, Moskovskii rabochii, 1989, 571 p. (in Russ.)
- Kazakevich E. G. Slushaya vremya. Dnevnik. Zapisnye knizhki. Pis'ma [Listening to time. Diaries. Notebooks. Letters]. Moscow, Sov. pisatel', 1990, 525 p. (in Russ.)
- Khrenkov D. T. Anna Akhmatova v Peterburge – Petrograde – Leningrade [Anna Akhmatova in St. Petersburg - Petrograd - Leningrad]. Leningrad, Lenizdat, 1989, 220 p. (in Russ.)
- Konrad N. I. Neopublikovannye raboty. Pis'ma [Unpublished works. Letters]. Comp. by M. Yu. Sorokina, A. O. Tamazishvili. Moscow, ROSSPEN, 1996, 543 p. (in Russ.)
- Libedinskaya L. B. Zelenaya lampa [Green lamp]. Moscow, AST, Astrel', 2011, 475 p. (in Russ.)
- Libedinsky Yu. O Fadeeve [About Fadeev]. *Voprosy literatury*, 2000, May–June, pp. 236–252. (in Russ.)
- Mandelstam N. Ya. Vtoraya kniga [Second book]. Moscow, Olimp, Astrel', AST, 2001, 512 p. (in Russ.)
- N. Gumilev, A. Akhmatova: Po materialam istoriko-literaturnoi kollektzii P. N. Luknitskogo [N. Gumilyov, A. Akhmatova: Based on the materials of the historical and literary collection of P. N. Luknitsky]. IRLI (Pushkinskij Dom) RAN, resp. ed. by A. I. Pavlovsky, entry. art. by T. M. Dvinyatina, prep. by T. M. Dvinyatina et al. St. Petersburg, Nauka, 2005, 343 p. (in Russ.)
- Naiman A. G. Rasskazy o Anne Akhmatovoi [Stories about Anna Akhmatova]. Moscow, Khudozh. lit., 1989, 300 p. (in Russ.)
- Ogryzko V. Kak Akhmatovu vosstanavlivali v Soyuze pisatelei [How Akhmatova was reinstated in the Writers' Union]. *Literaturnaya Rossiya*, 2015, no. 37 (2720), October 23, p. 3. (in Russ.)
- Ogryzko V. Tragediya prodolzilas'. Rassekrechennyye dokumenty ob Anne Akhmatovoi [The tragedy continued. Declassified documents about Anna Akhmatova]. *Literaturnaya Rossiya*, 2017, no. 28 (2803), August 4–24, p. 4. (in Russ.)
- Pant S. Izbrannyye stikhi [Selected poems]. Transl. from Hindi by A. Akhmatova, A. Argo, N. Guseva et al., foreword, ed. and comp. by E. Chelyshev. Moscow, Inostr. lit., 1959, 118 p. (in Russ.)
- Pasternak E. B. Boris Pasternak (Materialy dlya biografii) [Boris Pasternak (Materials for a biography)]. Moscow, Sovetskii pisatel', 1989, 688 p. (in Russ.)
- Pasternak E. B. Boris Pasternak. Biografiya [Biography]. Moscow, 1997, 726 p. (in Russ.)
- Petrov I. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya vydayushchegosya voennogo yurista general-leitenanta yustitsii S. K. Zanchevskogo [To the 100th anniversary of the birth of the outstanding military lawyer Lieutenant-General of Justice S. K. Zanchevsky]. *Krasnaya Zvezda*, 2018, July 11. (in Russ.) URL: <http://redstar.ru/ih-povenchala-vojna/?ysclid=lcj09mch6j961175394> (accessed 11.02.2023).

Podval pamyati. Akhmatovskie dnevniky Lidii Chukovskoi (Interv'yu N. Ivanovoi-Gladil'shchikovoi s N. N. Glen) [Cellar of memory. Akhmatova's diaries of Lydia Chukovskaya (Interview of N. Ivanova-Gladilshchikova with N. N. Glen)]. *Literaturnaya gazeta*, 1996, no. 47, November 20, p. 6. (in Russ.)

Predsmertnoe pis'mo Aleksandra Fadeeva. *Glasnost'*, 1990, no. 15, September 20, p. 6. (in Russ.)

Seslavinsky M. V. Bibliofil'skii venok Anne Akhmatovoi [Bibliophile wreath to Anna Akhmatova]. In: Pro knigi. Zhurnal bibliofila. Moscow, 2014, pp. 4–21. (in Russ.)

Shaporina L. V. Dnevnik [Diary]. In 2 vols. Intr. art. by V. N. Sazhin; prep. text and comments by V. F. Petrova and V. N. Sazhin. Moscow, 2012. (in Russ.)

Sobolev A. L. "Postoyalа v zolotoi pyli": pensionnoe delo Anny Akhmatovoi ["Stood in gold dust": the pension case of Anna Akhmatova]. In: Sobolev A. L. Turgenev i tigry. Iz arkhivnykh razyskanii o russkoi literature pervoi poloviny XX veka. Moscow, 2017, pp. 198–234. (in Russ.)

Sorokina M. Yu. Nikolai Konrad: zhizn' mezhdru Zapadom i Vostokom [Nikolai Konrad: life between West and East]. In: Tragicheskie sud'by: repressirovannye uchenye Akademii nauk SSSR. Moscow, Nauka, 1995, pp. 128–143. (in Russ.)

Tagor R. Collected works. In 12 vols. Ed. by E. Bykova, A. Gnatyuk-Danilchuk, V. Novikova. Moscow, Goslitizdat, 1961–1965. (in Russ.)

Tagor R. Works. In 8 vols. Ed. by V. Novikova. Moscow, Goslitizdat, 1955–1957. (in Russ.)

Timenchik R. Poslednii poet. Anna Akhmatova v 60-e gody [The last poet. Anna Akhmatova in the 60s]. In 2 vols. Ierusalim, Gesharim, Moscow, Mosty kul'tury, 2015. (in Russ.)

Tomashevskaya Z. B. "Ya – kak peterburgskaya tumba" ["I'm like a Petersburg tumba"]. In: Ob Anne Akhmatovoi: Stikhi, esse, vospominaniya, pis'ma. Comp. by M. M. Kralin. Leningrad, Lenizdat, 1990, pp. 417–438. (in Russ.)

Varava B. N. Once again about the autographs of Anna Akhmatova. In: Pro knigi. Zhurnal bibliofila. Moscow, 2014, pp. 23–32. (in Russ.)

"Vasha osinka trepeshchet pod moim oknom...". Perepiska Anny Akhmatovoi i Marii Petrovykh ["Your aspen trembles under my window...". Correspondence of Anna Akhmatova and Maria Petrovykh]. Publ. letters and telegrams of Akhmatova by A. I. Golovkina, entry. art., prep. texts and comments by O. E. Rubinchik. *Russkaya literatura*, 2022, no. 1, pp. 114–115. (in Russ.)

Vilenkin V. Ya. Vospominaniya s kommentariyami [Memories with comments]. Moscow, Iskusstvo, 1991, 495 p. (in Russ.)

Voennaya yustitsiya v Rossii: istoriya i sovremennost' [Military justice in Russia: history and modernity]. Ed. by V. V. Ershov, V. V. Khomchik. Moscow, RGUP, 2017, 562 p. (in Russ.)

Vospominaniya ob Anne Akhmatovoi [Memories of Anna Akhmatova]. Comp. by V. Ya. Vilenkin, V. A. Chernykh, comments by A. V. Kurt, K. M. Polivanov. Moscow, Sov. pisatel', 1991, 720 p. (in Russ.)

XX s'ezd Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza: Stenograficheskii otchet [XX Congress of the Communist Party of the Soviet Union: Verbatim record]. In 2 vols. Moscow, Gospolitizdat, 1956. (in Russ.)

Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoi (1958–1966) [Notebooks of Anna Akhmatova (1958–1966)]. Comp. and prep. text by K. N. Suvorova; enter. art. by E. G. Gershtein;

Сюжеты и судьбы

scientific consulting, input. notes, indexes by V. A. Chernykh. Moscow, Torino, 1996, 849 p. (in Russ.)

Zenkevich M. A. Skazochnaya era: Stikhotvoreniya. Povest'. Belletristicheskie memuary [Fairy tale era: Poems. Tale. Fiction memoir]. Moscow, Shkola-Press, 1994, 688 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Ольга Ефимовна Рубинчик, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН (Санкт-Петербург, Россия)

Information about the Author

Olga E. Rubinchik, Candidate of Sciences (Philology), Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom), Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

*Статья поступила в редакцию 01.02.2023;
одобрена после рецензирования 05.02.2023; принята к публикации 05.02.2023
The article was submitted on 01.02.2023;
approved after reviewing on 05.02.2023; accepted for publication on 05.02.2023*

eISSN 2713-3133

Сюжетология и сюжетография. 2023. № 4

Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2023, no. 4